

TRUE DRAMA

ПРАВДА, ПРЕВОСХОДЯЩАЯ ВЫМЫСЕЛ

ЯН СТОКЛАССА СТИГ ЛАРССОН

И ЕГО АРХИВ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ИГРАЛ С ОГНЕМ

Фанаты Ларссона, не пропустите!

Publishers Weekly

Ян Стокласса
Стиг Ларссон: человек,
который играл с огнем
Серия «True drama»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51882444

*Стокласса, Ян. Ларссон: человек, который играл с огнем: АСТ; Москва;
2020*

ISBN 978-5-17-120134-0

Аннотация

Ян Стокласса – шведский дипломат, журналист и писатель. Публикация его первой книги привела к международному скандалу, связанному с разоблачением коррупционных схем: уголовные дела были открыты в семи странах. Книга, которую вы держите в руках, пролила свет на события 30-летней давности, что позволило возобновить расследование убийства премьер-министра.

Таинственный архив Стига Ларссона опубликован. Поклонники с изумлением узнали, что знаменитый писатель незадолго до смерти расследовал громкое убийство шведского политика Улофа Пальме. Сейчас в ваших руках – последнее, посмертное дело «детектива Ларссона». Материалы, изложенные в книге, уникальны: их секретность соблюдали так строго, что

даже шведский издатель не имел понятия о содержании книги вплоть до ее публикации. Теперь тайна раскрыта. Удивительно, как Микаэль Бломквист оказался похож на своего создателя...

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Стик	25
День убийства	25
Оппозиция	32
Место преступления	39
Шерлок Хольмер	43
Виктор	54
Обвинение прокуратуры	61
Углубляясь в архив	65
Status Quo	68
После Чернобыля	71
Альфа-самец	73
Подсказка Стига	75
Загадка	78
Минуты	80
Северин	83
Кафе	87
Хольмер наносит удар	91
Нет, нет, да	95
Миссия: Улоф Пальме	100
1987	113
Звезды сошлись	115
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Ян Стокласса

Ларссон: человек, который играл с огнем

Jan Stocklassa

© Stieg Larssons arkiv av Jan Stocklassa, 2018

© bigshot.se, photo, 2020

© А.Н. Мурашов, перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Никогда не приписывайте злomu умыслу то, что
вполне можно объяснить глупостью.
Бритва Хэнлона*

Предисловие

Раньше все было просто. Плутон – планета. Молоко полезно. Дизель чище, чем бензин. Если вы купались сразу после обеда, могли случиться судороги и вы могли утонуть. И было понятно, что убийство шведского премьер-министра Улофа Пальме в 1986 году никогда не будет раскрыто. Но старые истины больше не истины. И вот одна из новых: убийство Пальме можно раскрыть.

Для меня все началось в 2008 году на типично шведский лад – если судить по большинству загадочных убийств в Швеции. У озера в районе Смоланд была найдена убитая женщина. Тогда у меня и возникла идея книги о местах, где произошли убийства. Через год с небольшим появилась типично шведская разгадка гибели этой женщины. Полиция получила новые сведения от судмедэкспертов: убийцей оказался мох. Но к тому времени все начало меняться – для меня. Я уже отбросил первоначальную идею и погрузился в работу над совсем другой книгой, вот этой самой.

После пятилетних разысканий я наткнулся на забытый архив Стига Ларссона и вступил в особый мир персонажей и событий, похожий на мир книг Стига: вскрытие чужих ящиков электронной почты, тайные записи разговоров, операции под прикрытием... и смерть, много внезапных насильственных смертей. Персонажи, готовые зайти очень далеко,

как Лисбет Саландер и Александр Залаченко, но не в романе, а в жизни, – убийцы, их жертвы, шпионы, которые следят за другими шпионами, и гибель детей и женщин.

Продано более 80 млн экземпляров трех романов Стига Ларссона о Лисбет, «девушке с татуировкой дракона», однако не детективы были главным делом его жизни. Едва достигнув сознательного возраста, он занялся борьбой с правым экстремизмом и посвятил этому долгие годы. В начале 1990-х годов он уже предупреждал шведов об опасности, которую представляла собой тогда еще недавно основанная партия Шведских демократов. Она собрала 17 % голосов на минувших выборах 2017 года, нарушив привычное распределение сил в парламенте. Избрание депутатами нового премьер-министра обернулось политическим кризисом, длившимся не один месяц.

Еще один долгосрочный проект Стига – расследование убийства Улофа Пальме. Это видно по его архиву, большая часть которого посвящена ультраправым. Однако его интерес к этим экстремистам плавно перешел в поиски убийц Пальме и привел к конкретной гипотезе и к подсказкам, которые Стиг дал полиции.

Я продолжил работу Стига, и мне удалось найти недостающие детали головоломки. Получилась целостная картина, объясняющая странные обстоятельства, связанные с убийством премьер-министра, и мотив этого преступления. Думаю, мне удалось реконструировать события накануне поку-

шения 28 февраля 1986 года, а также и то, как произошло само покушение. Я предлагаю возможную разгадку. А читатель может оценить ее или сформулировать собственную, опираясь на факты и выводы, которые я излагаю.

Эта книга – нон-фикшен, но в ней есть место и фантазии. Она написана как триллер, но о реальных людях и происшествиях. Более тридцати страниц занимают тексты, написанные Стигом Ларссоном, тогда еще журналистом, а не всемирно известным писателем. Многие диалоги переданы дословно. Другие восстановлены на основе бумаг Стига и более сотни интервью, которые я взял у разных людей, например у Эвы Габриэльсон, спутницы жизни Стига. В послесловии есть сведения о других источниках и материалах и о том, как я их использовал. За подробностями расследования по делу Пальме могу отослать читателя к докладу Комиссии по пересмотру, *Granskningskommissionen*, занимающему более тысячи страниц, а также к книгам Гуннара Валля и Ларса Боргнеса, главных шведских экспертов по убийству Пальме. Предупреждение для тех, кто захочет узнать больше об этом деле: оно заразно! Многие уже стали жертвами одержимости этой историей.

Есть какая-то ирония в том, что в Швеции, стране, где все можно измерить и все объяснить, убийство премьер-министра пока остается загадкой. Убийство Пальме – рана, которая так и не затянулась. Кажется, что тщательной проверки не выдерживает ни одно суждение о нем. Но ситуация посте-

ленно меняется.

По словам Кристера Петерссона, главного прокурора, в настоящее время ведущего это дело, Улофа Пальме застрелил не алкоголик Кристер Петтерссон¹, которого многие считают виновным. И мне кажется, что прокурор Петерссон прав. Я уверен, что проведенное Стигом расследование станет важным вкладом в разрешение загадки. Как, надеюсь, и эта книга.

Сейчас полиция получила доступ к моим материалам и начала работать по ним. Впервые за много лет полицейские опросили нового подозреваемого. Они занялись гипотезой Стига и теми наводками, которые он дал полиции тридцать лет назад.

Думаю, через год-другой новой истиной станет то, что убийство Пальме раскрыто.

¹ Игра одинаково звучащими именами при близком сходстве фамилий. Имя этого Петтерссона (не Петерссона!) пишется Christer, имя прокурора Петерссона – Christer. – *Примеч. пер.*



Письмо Стига Ларссона, написанное по-английски Джерри Гейблу 20 марта 1986 года

Стокгольм, 20 марта 1986 года

Дорогой Джерри, дорогие друзья!

Убийство шведского премьер-министра Улофа Пальме — честно говоря, один из самых невероятных и увлекательных случаев такого рода, какими я только имел несчастье заниматься.

Увлекательных из-за неожиданных поворотов этой ис-

тории, приводящих к новым потрясающим открытиям, которые сменяются новыми к следующему сроку подачи материалов.

Невероятных из-за политического масштаба события, из-за того, что такое произошло впервые в истории, как мне кажется: глава государства убит, и нет ни намека на то, кто это сделал.

Несчастье (а убийство – это всегда несчастье), потому что жертва – премьер-министр, человек, которого искренне любили и уважали в Швеции, вне зависимости от того, принадлежишь ты или (как я) не принадлежишь к числу социал-демократов.

Ранним утром 1 марта мой телефон надрывался. Я получил сразу и новость о том, что случилось, и требование главного редактора показаться за рабочим столом. Я еще не положил трубку, а хаос вокруг только нарастал.

Представьте, что бы вы почувствовали, если бы убили миссис Тэтчер, а убийца скрылся, не оставив следов.

И еще потрясение. В то раннее субботнее утро, когда трагическое известие начало распространяться по сонной Швеции, я встречал людей с бледными мрачными лицами, импульсивно вышедших из дому. В новостном агентстве я видел журналистов полицейской хроники, всякое повидавших на своем веку, которые на середине фразы переставали стучать по клавишам пишущей машинки и в слезах склоняли голову.

Внезапно я заметил, что плачу и сам. Это случилось, когда на меня нахлынуло ощущение дежавю, вселившее отчаяние. До меня дошло, что менее чем за три года я потерял двух премьеров. Первым был Морис Бишоп из Гренады, человек, которого я любил, уважал и в которого верил, как ни в кого другого. Ну нет, только не опять то же самое!

Кроме того, если отставить в покое скорбь на лицах, а господина Пальме в могиле, репортеры вдруг поняли, что имеют дело с безупречным убийством, вроде детективной загадки из книг. Какой сюжет!

Иногда события развивались с динамичностью романа Роберта Ладлума. В другие моменты дело Пальме казалось больше похожим на головоломки Агаты Кристи, а затем оборачивалось полицейским расследованием во вкусе Эда Макбейна с примесью комедии Уэстлейка. Имя жертвы, политический характер убийства, исчезающие следы убийцы, домыслы, подсказки, ведущие в тупик, появление на сцене и уход за кулисы президентов и монархов, выслеживание машин, слухи, психи и словоохотливые всезнайки, телефонные звонки, анонимные подкупы, аресты и ощущение того, что развязка вот-вот наступит, – и все заканчивалось ничем, оставляя лишь недоумение.

Об этом когда-нибудь напишут книги. Обычно убийцу главы государства ловят и/или убивают в течение нескольких минут после совершения преступления. Следствие открывается и тут же закрывается. В нашем случае все не

так.

У нас премьер-министр отправляется на полуночную прогулку в компании жены, и на пару миль вокруг – ни одного охранника. Убийца стреляет и просто растворяется в воздухе. С чего начать расследование, если есть в буквальном смысле слова тысячи подозреваемых и ни одного намека на возможную разгадку?

Простите за эти вступительные разглагольствования. Написать я хотел о другом.

На самом деле я хотел написать вам об убийстве Пальме сразу после того, как о нем узнал. Я начал как минимум восемь или девять писем и не одно не закончил. Почему? Просто потому, что, прежде чем удавалось дописать любое из них, происходило новое удивительное открытие и вся картина менялась. Поэтому приходилось рвать начатое письмо и браться за новое.

Так что это письмо – не статья, а попытка вкратце довести до вашего сведения, в чем состоят факты, а в чем – домыслы касательно убийства. Я живу с ним неотлучно последние три недели 24 часа в сутки. Мне трудно абстрагироваться от темы, и сегодня, когда, как кажется, следствие полностью зашло в тупик, я попробую прояснить всю историю для себя самого и изложить в общих чертах. [...]

Прежде всего: что известно?

Сразу после одиннадцати вечера 28 февраля 1986 года супруги Пальме вышли из «Гранд Синема» вместе со своим

старшим сыном. Решение пойти в кино они приняли в тот же день, и, хотя господин Пальме сказал об этом одному репортеру, около двух часов решение не стало достоянием гласности.

Премьер-министр по своему обыкновению предупредил охранников из шведской службы безопасности, что вечером они ему не понадобятся. Так бывало всегда, и все знали, что премьеру нравится гулять одному по вечерам и ночью, если позволяют дела и если обстоятельства не требуют особых мер безопасности. В любом случае неясно, знали в службе безопасности о его конкретных планах или нет.

Выйдя из кинотеатра, супруги Пальме распрощались с сыном и решили пройти пешком до дома, поскольку, по нашим меркам, было не слишком холодно. Сын Пальме посмотрел вслед родителям и увидел человека, который последовал за четой. Позже он описал его, и одежда этого человека по его описанию похожа на ту, которая была на убийце. Лица Пальме-младший не видел.

Второй свидетель встретил премьер-министра через пару минут и остановился поглазеть на него. Оглянувшись, он заметил преследователя; кроме того, ему показалось, что впереди премьера идут еще двое мужчин. Ему показалось, что эти трое составляют одну группу, и он подумал, что это охрана.

Премьер и его жена прошли по Свеавеген, пересекли эту улицу, чтобы купить что-то у окна напротив, и продолжи-

ли двигаться в том же направлении, что и прежде. На углу Свеавеген и Туннельсгатан (Туннельной улицы) убийца приблизился к премьеру и выпустил ему в спину 34-миллиметровую пулю «магнум».

По мнению полиции, все признаки указывают на действия профессионала. Журналисты склонны, несмотря на некоторые сомнения, соглашаться с полицией. Убийца стрелял всего один раз, из мощного пистолета. Все, кто имеет дело с оружием, знают разрушительный эффект всего одной такой пули.

Пуля вошла в середину спины, пробила позвоночник, разорвала легкие, пищевод и трахею и вышла наружу, оставив дыру размером со шляпу. Смерть жертвы была мгновенной. Пуля покатилась, на ней была цельнометаллическая оболочка, чтобы она могла пробить бронезилет, если таковой окажется на жертве.

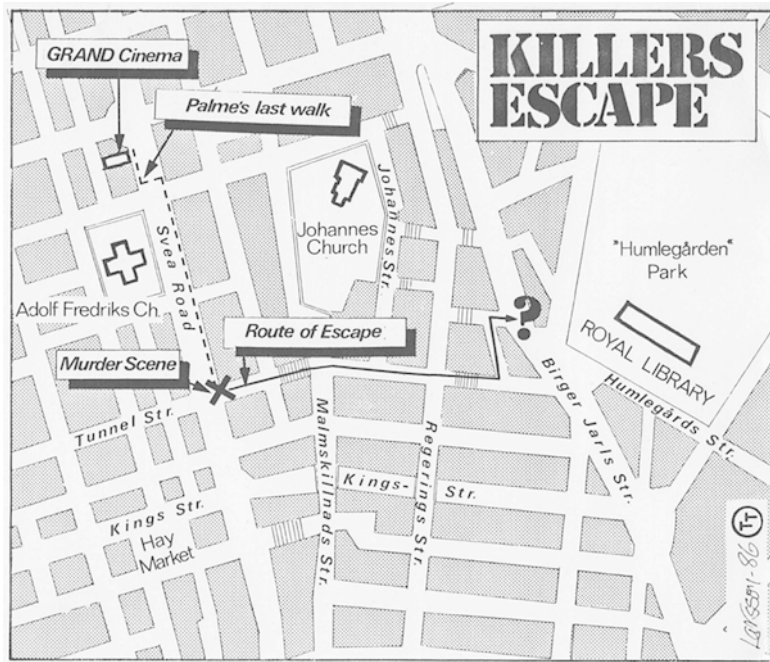
Убийца сделал второй выстрел – по Лисбет Пальме, жене премьера, – но, видимо, не стремясь ее убить. Пуля прошла навывлет через ее пальто, лишь слегка задев спину. (Отсюда разногласия насчет профессионализма стрелка: одни полагают, что он намеревался убить госпожу Пальме, но, будучи дилетантом, занервничал, а другие – что это профессиональный стрелок, который хотел только ранить мадам, чтобы помешать преследованию.)

Далее. Убийца бежал с места преступления по «хорошо спланированному маршруту» – вверх по лестнице в конце

Туннельсгатан, что исключило возможность погони за ним на автомобиле.

Все, что я написал доселе, — это установленные факты, соответствующие официальным заявлениям.

Дальше начинаются сложности. Несколько свидетелей дали туманные описания убийцы, их показания противоречат друг другу. Показания, сочтенные наиболее точными, так как тут у очевидцев меньше всего расхождений, гласят: это белый мужчина тридцати-сорока лет, среднего роста, широкоплечий. На нем были серая шапка с краями, которыми можно прикрыть уши, темное пальто спортивного стиля по колено длиной и темные брюки. Некоторые свидетели утверждают, что на запястье у него висела маленькая сумка-борсетка.



Бегство убийцы с места преступления. Рисунок Стига Ларссона.

2 марта 1986 года

Вот что говорится в показаниях нескольких свидетелей:

Молодой мужчина 25 лет, Ларс, видел убийцу в конце Туннельсгатан, хотя тот не видел его, так как они находились с разных сторон бытовки строителей. Ларс замешкался не более чем на минуту и затем пустился вдогонку. Тогда он не

знал, что жертва преступления – премьер-министр. Ларс поднялся вслед за убийцей по 86 ступеням, но наверху беглеца нигде не было видно. По наитию Ларс пошел прямо по улице Давид Багарес, где, миновав один квартал, он встретил...

...пару, шедшую ему навстречу. Он спросил, не видели ли они мужчину, бежавшего по улице; оба ответили, что полминуты назад разминулись с ним. Позднее Ларс сказал, что ему не удалось второй раз посмотреть на убийцу и что это вызывает у него недоумение, поскольку ему казалось, что тот не настолько уж его опережал.

Четвертая свидетельница, известная как «Сара», – двадцатидвухлетняя художница-портретистка. По ее словам, она вышла на Смала Гранд (Узкий переулок) в 100 м от улицы Давид Багарес приблизительно в то время, когда было совершено убийство. На середине Смала Гранд она едва не столкнулась с женщиной, соответствующим в основных чертах описанному другими облику убийцы. Он торопился, но, встретив Сару, на секунду замешкался. Вернувшись ночью домой, Сара включила радио и услышала о гибели премьера. И сразу подумала о незнакомце и зарисовала по свежим впечатлениям его лицо. На основе этого рисунка и был создан в полиции фоторобот подозреваемого.

Показания этих четырех очевидцев, избранные из 10 000 зацепок и свидетельств, считаются наиболее надежными.

Пятый свидетель, в целом не столь надежный, – шофер

такси, ожидавший в своей машине на Сникарбакен (холм Плотников). Он видел человека, который пробежал мимо и поспешно сел в зеленый или синий «пассат», по-видимому, оставленный для него. И быстро уехал.

Холм Плотников расположен сразу за Смала Гранд, и, вполне возможно, показания шофера тоже годятся, но есть некоторые вопросы. Судя по его словам, он видел беглеца через десять-пятнадцать минут после выстрелов на Свеавеген, но, чтобы добежать оттуда до Сникарбакен, нужно 3–4 минуты. И не по Смала Гранд, а по другой улице.

Тем не менее цепочка последовательных свидетельств внушает мысль, что убийца действительно был на Смала Гранд и Сникарбакен. Полиция предполагает, что он заплутал. В любом случае рассказ таксиста привел к поискам си-него или зеленого «пассата» по всей стране. Следует учесть в особенности то, что таксист назвал некоторые буквы и цифры номера машины.

Из цепочки свидетельств полиция сделала вывод, что убийство Пальме – это хорошо спланированное покушение, осуществленное группой злоумышленников. Но официально они не высказывали никаких предположений о том, какого рода эта группа.

Первый важный вопрос: что бы произошло, если бы Пальме не пошли домой пешком, а вместо этого вместе с сыном спустились в метро и так и не оказались бы на «идеальном» месте преступления?

Если это хорошо спланированное убийство, то либо киллеру пришлось бы временно отказаться от своих намерений, либо была еще одна машина для бегства / вспомогательная группа. И в пользу второй гипотезы есть свидетельства. Представьте себе, полиция, как и репортеры, опросила этих людей, и некоторые из них произвели впечатление заслуживающих доверия.

Один человек во время покушения на Пальме шел по Туннельсгатан, но в противоположном направлении от Свеавеген, и видел двух мужчин средних лет, убегających с места убийства.

Еще двое свидетелей подтвердили его показания: они видели, как те двое мужчин свернули на Дротнинггатан и разделились.

Четвертая свидетельница видела мужчину, бежавшего по Дротнинггатан одну-две минуты спустя. Он внезапно остановился, помахал водителю машины, которая подъехала к нему и подобрала его; затем автомобиль быстро исчез из виду.

На этом расследование начинает буксовать. Да, есть бесчисленные предположения и сообщения разных лиц. Но ничего из этого не имеет непосредственной связи с событиями на Свеавеген и вокруг. Тупик.

Большую часть фактов, упомянутых выше, выяснили в первые дни, если не минуты после убийства. Далее наступает период психов, делающих признания «Это сделал я»,

менее надежных или вовсе не достойных доверия свидетелей и — разумеется! — всяких анонимных звонков.

В случае теракта, по крайней мере совершенного левыми, обычно в течение часа после происшествия какая-нибудь организация берет на себя ответственность за содеянное. В нашем случае такого нет. Зато о своей виновности заявили боевик Кристиан Клар, группа Хольгера Майнса и другие правые и/или неонацистские группы. Ни одно признание не вызывает доверия.

После убийства Швеция оказалась на осадном положении на несколько дней: аэропорты были закрыты, пограничный контроль усилен, паромы и пристани под тщательным наблюдением (без толку: в спланированном убийстве продумано и бегство киллера).

Через три дня после убийства задержали и подвергли строгому допросу полицейского инспектора, вызвавшего подозрения. Это ультраправый псих, хранивший оружие, со слабым алиби. Но через два дня его отпустили и заявили, что он не имеет отношения к убийству.

Затем через десять дней после покушения арестовали еще одного человека, официально обвинив его в «причастности к убийству». Это господин Виктор Гуннарссон, 32 лет, оказавшийся членом Европейского трудового комитета.

В течение суток казалось, что из этого что-нибудь выйдет, но заявления полиции можно было подумать, что они поймали «убийцу» (уже не «соучастника»). Против Викто-

ра говорило многое:

- явный ультраправый псих, помешанный на премьере, несколько раз говоривший, что «его надо пристрелить», и ходивший хвостом за Пальме на публичные мероприятия и митинги;

- он был в районе, где произошло убийство, как раз тогда, когда оно произошло. Из некоторых источников известно, что он находился в кинотеатре вместе с четой Пальме;

- он был не в состоянии рассказать полицейским о своих перемещениях и солгал им в нескольких важнейших пунктах;

- у него есть серый головной убор и пальто, похожие на те, которые видели на убийце;

- он сотрудник нескольких частных охранных агентств, натренирован в стрельбе и умеет обращаться с пистолетом;

- один человек опознал его как того, кто пытался остановить машину и просил увезти его подальше от места происшествия сразу после убийства на улице рядом с лестницей на Туннельсгатан;

- его видели входящим в кинотеатр примерно через 10–12 минут после убийства и через полчаса после начала сеанса;

- известно, что у него есть связи с неназванной крайне правой религиозной общиной в Калифорнии, где он прожил какое-то время.

На двадцать четыре часа умами шведов завладел Европейский трудовой комитет (я писал о нем). Похоже было,

что судебное дело готово.

Потом, за несколько часов до предварительного судебного заседания, Гуннарссон был отпущен на свободу. Причина: свидетель, рассказавший о том, как некий мужчина ловил машину, уже не мог со стопроцентной уверенностью опознать Гуннарссона.

На сегодняшний день полиция прекратила ежедневные пресс-конференции в связи с тем, что оповещать общественность им не о чем. Тупик.

Предположения: вполне возможно, что Гуннарссона опять задержат; говорят, что на него нет уголовного дела, но он все еще «вызывает большой интерес».

Вот и все, что следовало сообщить. Однако я могу продолжить с догадками и исписать еще двести страниц – об этом когда-нибудь напишут книги (может быть, я и сам напишу), – но нет ничего особо существенного.

Премьер-министр мертв, а его убийца исчез.

Можно предположить, что за убийством стоят интересы южноафриканцев. Комиссия Пальме, в которой он сам был важнейшей фигурой, начала кампанию против оружейных сделок с этой страной.

Также говорят о Рабочей партии Курдистана, совершившей по меньшей мере три политических убийства в Швеции за последние два года. Жертвы до сих пор были «изменниками» из самой партии, но распространено (расистское) мнение, что курды причастны и к убийству Пальме. Офисы

курдской партии в Стокгольме расположены на улице Давид Багарес, где «исчез» преступник.

(Никто не задается вопросом, неужели преступник настолько глуп, чтобы скрыться в двух минутах от места преступления в штаб-квартире собственной организации.)

Как бы то ни было, нынешняя обстановка в Швеции такова.

Если события будут разворачиваться дальше, я позволю и расскажу, информацию от меня вы можете использовать как материал.

[...]

Ну ладно, будьте осторожны.

Стиг

A handwritten signature in black ink, consisting of a large loop followed by a horizontal line that tapers off to the right.

Часть первая. Стиг

День убийства

Стокгольм, 28 февраля 1986 года

В день, когда предстояло погибнуть премьер-министру Швеции, Стиг, как обычно, поздно пришел на работу, с сигаретой в руке. Он решил нагнать хоть полминуты и подняться по лестнице, а не на новом лифте, по непонятным причинам еле ползавшем. Стиг ничего не имел против лестницы, хотя и надо было подняться на верхний этаж. Зажженная сигарета в правой руке несколько ограничивала количество кислорода, поступающего в кровь, но Стиг в тридцать один год был полон энергии. Он перескакивал через ступени, стимулированный кофеином и никотином. В левой руке он держал почти пустой портфель всего с несколькими листками бумаги.

Год назад «ТТ», ведущее новостное агентство Швеции, переехало в заново отделанные офисы в здании, которое когда-то было пивоварней Святого Эрика на Кунгсхольмсторг. Уровень персонала и оборудования мог теперь потягаться с Национальным радио Швеции или *Dagens Nyheter*, крупнейшей утренней газетой страны. Редакция занимала весь шестой этаж. Стигу пришлось пройти через все помещение,

чтобы добраться до своего стола. Смутное ощущение заводского пространства гармонировало с настроением Стига. Сразу за входной дверью стоял длинный ряд факсов «Тошиба». Все знали, что их гораздо больше, чем нужно, но в пафосные восьмидесятые важно было, особенно для новостного агентства, показать, что есть дополнительные возможности коммуникации. По левую сторону сидела редакторская команда, самые высокопоставленные сотрудники «ТТ», среди которых затесались несколько управленцев среднего звена. Стиг попытался проскользнуть невидимкой, но его начальник, Кеннет Альборн, крикнул: «Доброе утро!» – слишком громко, чтобы можно было не откликаться.

– Сегодня всё будет, – сказал Стиг. – Обещаю!

Он уже три раза пропустил срок подачи материала, и другой босс уже проявил бы больше строгости, но даже у терпения Кеннета есть предел, и Стиг знал, что нужно закончить работу сегодня.

Стиг поднялся по лестнице из редакторского отдела в архив, один из самых больших газетных архивов Швеции, с длинными рядами стеллажей. Прошел все ряды, обогнул последний и оказался в своем кабинете. Окно этой комнатки выходило в помещение архива, окон на улицу не было. Он делил ее с Уллой, главным архивариусом, и теми несколькими сотрудниками, которым временно потребовалось место за письменным столом. Несмотря на убогое размещение, он не считал, что к нему относятся пренебрежительно, – как раз

наоборот. Все, к кому у него было дело, знали, где он сидит, и на потертом кресле в его кабинете посетители сменялись чаще, чем на роскошном диване в редакторском отделе этажом ниже.

Тот день отличался от других. Была последняя пятница месяца, и руководство пригласило всех на ежемесячное собрание, чтобы «усилить эффект обратной связи» с персоналом. На самом деле канал работал в основном в одну сторону, сверху вниз, но Стига это устраивало. Его непосредственный начальник занимал высокое место в иерархии, это он убрал Стига подальше от центра активности, чтобы тот мог спокойно работать над сюжетами, которые ему по душе.

Стиг выполнял обычные обязанности иллюстратора, а помимо этого ему иногда разрешали писать большие статьи на темы, как правило, вызывавшие у него большой интерес. А если оставалось время, он тратил его на то, что было впрямь важно: прослеживал очертания шведского правого экстремизма и его связи за рубежом. Он уже почти не помнил, когда это началось, еще тинейджером он ввязался в борьбу с нетерпимостью и несправедливостью. Стиг рос в доме бабушки по материнской линии, который ненавидел все, что имело отношение к нацизму и правым радикалам. Но Стиг еще больше, чем дед, был увлечен этой темой. Он посвятил жизнь борьбе с нацизмом и правым экстремизмом.

Но в тот день он опаздывал на встречу, где надо было просто показаться, чтобы затем без помех вернуться к работе.

В ранний для него час, около десяти, он направился в комнату для собраний. Ближайших коллег удивило его появление. Он уселся в кресло ровно в тот момент, когда старший менеджер включил сияющую улыбку и поприветствовал всех.

Ничего нового не говорилось. Руководство неуклонно придерживалось принципа «Повторенье – мать ученья». Диаграммы плана на 1986 год уже демонстрировались, как догадывался Стиг, по меньшей мере три раза, может быть, в несколько ином порядке. А шум вентилятора над головой нагонял сон.

Единственной неожиданностью оказалось то, что в конце собрания поднялся один из редакторов и напомнил всем, что редакторская команда приглашена вечером в ресторан «Теннстопет». Вслух это сказано не было, но все и так понимали, что приглашены только сотрудники со статусом репортера, журналиста или редактора. В свое время Стиг станет репортером по уголовным делам, но, пока этого не случилось, в список его не включали.

А для Стига та пятница немного выделялась тем, что они с Эвой решили вместе поужинать и провести вечер. Не в ресторане, просто что-то приготовить дома или заказать пиццу. Поэтому приходилось следить за часами, чтобы уйти с работы до семи или, самое позднее, до восьми.

Станция метро у городского совета находилась в одном квартале от места работы, так что Стиг рассчитывал добрать-ся до дома, в предместье Ринкебю, меньше чем за полчаса.

Но до этого предстояло еще кое-что сделать. Он закончит рисунок, показывающий, что всю шведскую экономику контролирует семейство Валленберг, одна из самых могущественных деловых групп на мировом финансовом рынке. Правда, относительно недавний кризис 1970-х потряс их империю до самого основания. Однако их влияние все еще проникало во все части шведского общества, распространяясь на анонимные фонды, корпорации и ассоциации, формально не связанные с кланом. Но все тамошние ключевые игроки принадлежали к окружению Валленбергов.

После долгих размышлений Стиг нарисовал схему на фоне центра Стокгольма. Карту покрывала сеть линий, обозначающих связи между организациями. От такой паутины закружилась бы голова у любого адепта конспирологии, если бы Стиг не упростил схему для восприятия, внося в нее разнообразие пунктиром и полутонами серого. О печати в четыре цвета не могло быть и речи. Технически она уже могла применяться, но ее использовала только пара вечерних газет, газет, не входивших в число главных клиентов «ТТ». Когда пепел с очередной сигареты Стига упал на карту, он привычно сдул его в руку и положил в одну из пустых чашек из-под кофе на столе. Большинство сотрудников ушли на ланч, но Стиг продолжал работу, пока мысли не стали ленивыми и ему не пришлось обеспокоиться уровнем сахара в крови. Он съел полсэндвича с сыром и огурцом, который принес в пакете из кафе.

Когда Стик взглянул на часы в следующий раз, было уже полшестого. Теперь и впрямь надо было заканчивать с иллюстрацией. Он знал, что откладывать срок сдачи больше нельзя. Тогда возникла бы угроза, что его следующая профильная статья будет отвергнута. В ней он хотел обсудить волновавшие его вопросы доступным для широкой публики языком.

Стик попробовал добавить на карту афоризм старого Маркуса Валленберга *Esse non videri* – «Быть, а не быть видимым». Это очень подходило к мысли о тайных связях, которую передавал рисунок. Но если оставить латынь без перевода, никто не поймет. А если добавить еще текста, получится полная мешанина. Он решил не покидать рабочего места, пока есть силы. Двух часов должно хватить, самое большее трех. Тогда он попадет домой прежде, чем Эва оставит всякую надежду на совместный ужин.

Что-то заворожило его, вероятно, в линиях рисунка, время пролетело незаметно, и он внезапно обнаружил, что уже девятый час и надо что-то немедленно предпринять. Он взялся трубку, обдумывая, как объяснить Эве, что его не будет дома раньше полуночи.

Разговор оказался не очень тяжелым. Эва всегда принимала объяснения Стига без упрека, но он страдал от чувства вины. Повесив трубку, он только через десять минут собрался с мыслями относительно рисунка, но теперь у него, во всяком случае, есть на работу весь вечер.

Когда он наконец выключил настольную лампу, было двадцать минут двенадцатого, именно то время, когда на Свеагеген раздались выстрелы, принесшие смерть премьер-министру Швеции. Стиг пребывал в блаженном неведении об этом, его волновало, успеет ли он на следующий поезд до Ринкебю.

Оппозиция

Мало кто сомневается, что Улоф Пальме был одним из самых влиятельных политиков в истории Швеции, но его восхождение далось ценой многих конфликтов, результатом чего стало появление несчетного множества врагов и постоянно растущей оппозиции. В шведском языке слово *Palmehatare*, «ненавистник Пальме», тогда использовалось по отношению к любому, кто выступал против его руководства, а выступали многие, и весьма страстно.

В 1969 году Пальме сменил на посту премьера и партийного лидера Таге Эрландера, занимавшего этот пост двадцать три года, то есть на тот момент дольше, чем какой бы то ни было выборный глава государства в демократических странах Запада. При последнем избрании Эрландера социал-демократическая партия получила более 50 % голосов.

У Пальме не было возможности состязаться в популярности со своим предшественником. Его происхождение из высших слоев вызывало подозрения у рабочих и мелких служащих в его собственной партии. В 1976 году социал-демократы во главе с Пальме впервые за четыре десятилетия потерпели поражение на выборах.

Проигрыш тем не менее позволил ему посвятить больше времени тому, что заботило его больше всего: международной политике. Улоф Пальме дружелюбно относился к разви-

вающимся странам, боролся за права слабых и оттесненных на обочину жизни. Он любил рассказывать о первом своем поступке, имевшем политическое значение, — с несколькими друзьями он сдал кровь, чтобы собрать деньги на борьбу с апартеидом в ЮАР.

Но приверженность Пальме международным делам такого рода часто доставляла беспокойство сверхдержавам. Он потревожил СССР, когда в апреле 1975 года назвал чехословацкий марионеточный режим «диктаторским зверством» и когда в декабре 1979 года осудил вторжение СССР в Афганистан. Но и противоположную сторону он раздражал: США дважды разрывали дипломатические отношения со Швецией из-за действий Пальме. В феврале 1968 года причиной послужило то, что он принял участие в факельной процессии бок о бок с северокорейским послом в Москве. Во второй раз разрыв произошел, когда Пальме раскритиковал бомбардировку Ханоя накануне Рождества 1972 года, сравнив агрессию США с худшими бойнями XX столетия.

Политическое мировоззрение Пальме и, следовательно, шведскую идеологию называли «третьим путем», путем, пролегающим между капиталистическим Западом и коммунистическим Востоком. Пальме возглавил комиссию, получившую затем его имя: в ее составе он, вместе с другими политиками мирового уровня, добивался разоружения и более безопасной обстановки в мире. США проявили к этой программе очень умеренный интерес, поэтому она провалилась.

Зато интерес, проявленный СССР, пробудил еще большее недоверие к Пальме в Швеции и за рубежом. Его стали считать орудием СССР.

В 1980–1982 годах Пальме был послом мира от ООН во время ирано-иракской войны. Ему не удалось добиться успеха. А потом стало известно, что он был вовлечен в сделки шведских производителей оружия, прежде всего «Бофорса», с Индией. Пальме посчитали лицемером. То он добивается разоружения, то поддерживает торговлю оружием, чтобы сохранить рабочие места!

Шведские критики Улофа Пальме полагали, что у страны нет ни времени, ни возможностей играть роль мировой со-вести и что премьер-министру следует сосредоточиться на внутренних проблемах. А в этом авторитет Пальме тоже пошатнулся. Ораторские способности Пальме и его искусная политическая игра нажили ему врагов и справа, и слева.

Но в первую очередь его недолюбливали не за политику. Из-за его принадлежности к высшему сословию друзья социал-демократы испытывали недоверие, а правые смотрели на него как на предателя классовых интересов. В самой его личности было что-то, возбуждающее раздражение. В дебатах он вел себя нетерпеливо и надменно отзывался о поверженных противниках. Его IQ 156 был ниже, чем IQ шведского киноактера Дольфа Лундгрена, 160, но выше, чем у любого другого политика в стране. Пальме относился к категории людей, которых считают гениальными. И он ни за что

не упустил бы случая дать понять, что знает о собственной одаренности и превосходстве над противниками.

Он долго пользовался правами баловня в культурных кругах, его приглашали на премьеры как почетного гостя. Но после того как в 1976 году всемирно известный режиссер Ингмар Бергман был обвинен в сокрытии доходов от налогообложения и унижительным образом арестован во время репетиции в Королевском драматическом театре, популярность Пальме упала. Хотя с Бергмана в итоге обвинение сняли, шведам казалось, что государство несправедливо избрало его мишенью из-за его славы. Приглашения больше не сыпались на Пальме.

Были у него и могущественные враги в СМИ. Большинство газет в Швеции пользовались независимостью, получая финансирование не от социалистов. Помимо этого, Пальме умудрился обрести врага в лице самого влиятельного шведского журналиста. Ян Гийу, репортер социалистического журнала *Folket i Bild Kulturfront*, обнаружил, что социал-демократическая партия под началом Пальме прибегала к помощи Информационного бюро (ИБ), военной службы разведки, в собственных интересах, среди прочего для того, чтобы записывать разговоры лиц, заподозренных в симпатиях к коммунистам. Результатом стало подобие уотергейтского скандала.

Но Пальме разыграл свои карты лучше, чем президент Никсон. Он остался на посту, а вот Гийу и его коллега жур-

налист Петер Блатт даже получили по году тюрьмы за шпионаж. Однако такого противника, как Гийу, лучше не задевать. Несколько лет спустя он напал на Пальме в связи с делом Гейера. Выяснилось, что шведские политики во главе с министром юстиции Гейером были частными клиентами проституток. Пальме едва ушел от критики: его помощники, представитель полиции Ханс Хольмер и пресс-секретарь Гейера Эббе Карлсон, приложили руку к официальным опровержениям, основанным на откровенной лжи.

Последней попыткой Гийу задеть Пальме стало так называемое гарвардское дело, в котором не нашлось виновника, но которое напрямую касалось морального облика премьера. Во время интервью по радио Гийу прямо спросил Пальме, заплатит ли он налоги со стипендии своего сына Иоакима, которой тот был обязан лекциям отца в Гарварде. Улоф, который обычно не лез за словом в карман, замялся и только потом бросился опровергать.

Как только в разных слоях общества появились горячие противники Пальме, остановить их уже было невозможно. Начались оппозиционные кампании. В газетах печатали карикатуры на Пальме – с крючковатым носом, плохими зубами и темными кругами под глазами. При этом были и другие, те, кто, очевидно, не находил в его внешности ничего смешного или отталкивающего. Некоторые женщины, и среди прочих актриса Ширли Маклейн, заявляли, что состояли в любовной связи с ним. Распространялись слухи о его су-

пружеских изменах, хотя, похоже, и преувеличенные.

Во многих ежедневных газетах публиковались агитационные тексты на всю полосу, метившие в Пальме и его политику. Стало использоваться в уничижительном смысле слово «пальмеизм», хотя непонятно было, какая именно идеология под ним подразумевается. Газетные агитки оплачивались актрисой Джо Петре и ее товарищем, доктором Альфом Энерстрёмом, но ясно, что за публикациями стояли гораздо более внушительные финансовые силы, люди, которые готовы были тратить на это миллионы крон. Одновременно журнал отчетливо правого направления «Контра» продавал мишени для дротиков с карикатурным лицом Улофа Пальме.

Очередные выборы в 1985 году опять привели к власти социал-демократическое правительство. На одном из предвыборных мероприятий Партии умеренных из рук в руки бросали куклу Улофа Пальме, глумясь и насмехаясь над ней.

3 ноября 1985 года газета *Svenska Dagbladet* опубликовала в редакторской колонке письмо морского капитана Ханса фон Хофстена, где он признавался, что премьер-министр внушает ему и его коллегам недоверие своей политикой в отношении СССР.

На Улофа Пальме оказывалось давление. Ходили слухи, что он отступится и удовлетворится постом в ООН. Он устал. Самый яркий и влиятельный шведский политик был окружен оппозицией со всех сторон. Дальнейшие перспективы

в любом направлении выглядели смутно. И вот наступило 28 февраля 1986 года.

Место преступления

Стокгольм, 1 марта 1986 года

«Пальме убит».

Эва разбудила Стига этой новостью и тем потрясла его до мозга костей. Она проснулась раньше и не могла понять, почему по всем трем радиостанциям звучит похоронная музыка. Потом музыку прервали для сводки новостей.

Стиг и Эва не стали завтракать, просто выпили кофе на своей спартанской кухне. Позвонил Кеннет из «ТТ», и Стиг спросил, узнали ли там что-нибудь помимо того, что сообщалось по радио. Но Кеннет сказал лишь, что Стигу нужно немедленно приехать на работу. Эва вышла с ним вместе, ей не хотелось оставаться дома одной.

Станция «Ринкебю» была пустынна, и им показалось, что они прождали поезд целую вечность. Однако и получаса не прошло, как они уже очутились на главной пересадочной станции стокгольмского метро, «Т-Сентрален». Стиг не стал выходить у городского совета, как делал обычно, — ему хотелось провести несколько лишних минут с Эвой, прежде чем на него обрушится ад в агентстве. Они поднялись на Васэгатан и повернули на Туннельсгатан. Пройдя пять минут по узкой улочке, они увидели полицейскую машину и группу людей у здания компании «Скандиа». Здесь, прямо в самом

сердце Стокгольма, был убит премьер-министр.

На месте убийства царило молчание. Вокруг отгороженной территории стояло около сотни человек; никто не слонялся, не жестикулировал, не говорил в полный голос. Если кто-то и плакал, то беззвучно. Таково выражение скорби у шведов. Люди приходили и уходили, некоторые с розой в руках, но в полной тишине.

Эва и Стиг приблизились к ленте, которой полицейские огородили место преступления. Им была видна темная кровь на обледеневшем асфальте. Казалось, что ее вытекло слишком много. Несмотря на холод, они простояли там довольно долго. Тишину нарушали только звуки полицейской рации.

Из точки, где находились Стиг и Эва, Свеавеген просматривалась в обоих направлениях. Только пара принадлежащих строителям грузовиков ярдах в пятидесяти (чуть меньше 50 м) от Туннельсгатан отчасти закрывала вид. Над грузовиками возвышался холм Брункенберг (Брункенбергосен).

Было девять утра, и день предстоял долгий. Еще много народу придет на место убийства, многие положат розы. А может, и правда, что преступник всегда возвращается туда, где совершил преступление, и убийца тоже появится здесь в толпе.

В лифте «ТТ» Стиг постарался сменить настрой с мрачного и задумчивого на энергичный. Неважно, что редакторам понадобится еще несколько часов, чтобы составить достаточно ясную картину происшествия, которую можно будет

проиллюстрировать. День впереди долгий, возможно, придется сидеть допоздна, чтобы закончить работу.

Напряжение в редакции резко контрастировало с почтительной и тихой атмосферой на месте убийства. Похоже, вызвали весь персонал отдела. Все сосредоточились на том, чтобы именно «ГТ» завладело инициативой в передаче информации, касающейся убийства, и чтобы добыть хоть сколько-нибудь сведений помимо общедоступных. Однако этой информации, возможно, еще надо было дожидаться, особенно если у полиции не оказалось бы подозреваемых. С каждым часом надежд на то, что преступление будет раскрыто быстро, все меньше. Любому полицейскому это известно, как и любому журналисту.

Только через несколько часов Стиг получил задание, которое подразумевало, что ему, вероятно, придется задержаться до поздней ночи, в зависимости от поступающих сведений. Он должен был сделать карту городской территории вокруг кинотеатра «Гранд Синема» и места убийства и затем заполнять ее по мере поступления информации о преступлении. Ему помогло то, что они с Эвой побывали на Свеа-веген, но еще непонятно было, что потребуется указать на карте. Могло оказаться, что на самом деле на иллюстрации нужно нечто иное; надо было подумать и об английской версии, где переведенный текст мог занять больше места, чем шведский. Иностранные СМИ уже осаждали агентство, один из крупнейших источников новостей для них в Швеции.

На карте Стокгольма Стиг отметил места, по которым, как он уже знал, пролегал маршрут четы Пальме вчера вечером. Он положил на увеличенную копию одного сектора городской карты прозрачную бумагу. С помощью пресс-папье, лезвия, самоклеящихся листков, угольников и прочих инструментов начал воспроизводить картину преступления. На протяжении всего дня поступала информация, и Стиг вместе с другими сотрудниками отслеживали сообщения полиции, массмедиа, отдельных людей. Уже давно перевалило за полночь, когда Стига окончательно вымотали шведская и английская версии рисунка.

Шерлок Хольмер

Стокгольм, 1 марта 1986 года

Полицейское расследование началось хуже некуда. Убийца беспрепятственно покинул место преступления, хотя в этом районе находились несколько патрулей и первая машина полиции оказалась возле тела жертвы через пару минут после убийства. (Надо заметить, что вопрос о том, действительно ли полиция прибыла в это время, породил дискуссии и теорию заговора.) Полицейские огородили лентой слишком малый участок как место преступления, так что случайные люди нашли пули за его пределами, к тому же лишь на следующий день. Имена одних свидетелей не стали записывать, а с другими не связывались несколько дней. Так была утрачена важнейшая информация и какие бы то ни было улики.

Когда начала распространяться весть об убийстве, начальники оперативного центра по чрезвычайным ситуациям чувствовали себя парализованными, и заявление, в котором утверждалось, что убийца было двое, появилось лишь через два с половиной часа после происшествия.

Ночью царил хаос, не хватало сильного человека, который бы взял расследование в свои руки. Кандидатур было три. Первый – Свен-Оке Йемерот, глава Шведской службы без-

опасности (СЭПО), занимавшейся террористическими актами и другими преступлениями, связанными с международными организациями. Его назначили на эту должность после бурного периода в истории спецслужбы, чтобы всех успокоить. Он получил нелестное прозвище Почтальон, поскольку его карьера началась с почты.

Другим вариантом был жесткий и упрямый Томми Линдстрём, начальник Рикскриминалполисен – Государственного департамента уголовных расследований. Вниманию этого ведомства подлежали особые происшествия, и под эту категорию, разумеется, попадало убийство премьера. Государственная комиссия по убийствам входила в состав Департамента, и там работали лучшие эксперты по расследованию непростых убийств. Линдстрём быстро стал фаворитом СМИ, удостоившись прозвищ Томми Турбо – поскольку однажды полиция задержала его за езду со скоростью 108 миль в час на его «саабе» – и Суперкоп. Последнее – вероятно, потому что, несмотря на прошлое в научных кругах, а не в полиции, Линдстрём имел обыкновение принимать личное участие в расследовании.

А третий вариант – комиссар стокгольмской полиции Ханс Хольмер. Местные полицейские занимались обыденными преступлениями, например, убийствами на улицах Стокгольма. Хольмер тоже сделал академическую карьеру, и ему недоставало оперативного опыта для расследования масштабных дел об убийствах.

СЭПО уже проштрафилась, не справившись с задачей по защите премьер-министра. Если бы им поручили искать его убийц, СЭПО пришлось бы заниматься собственным промахом под пристальным вниманием прессы. Поэтому предпочтительнее были Государственный департамент уголовных расследований и стокгольмская полиция.

Томми Линдстрём не боялся запачкать руки и любил мелькать перед камерами, но, когда дело дошло до убийства премьер-министра, он почему-то избрал иную линию поведения. После того как рано утром ему сообщили о происшедшем, он опять лег в постель, а потом остался дома, празднуя свой день рождения. Ел пирог, искал новую клюшку для флорбола – подарок от сыновей, который они спрятали где-то в доме, – потом позволил себе еще побездельничать. Томми прибыл к себе в офис около 10:30. К тому времени ответственность за расследование уже была возложена на другого.

Ханс Хольмер узнал об убийстве в 7:35, находясь, по собственному признанию, в отеле «Скандик» в Бурлэнге, в ста тридцати милях (чуть больше 200 км) к северу от Стокгольма, со своей подружкой Осой. На следующий день он планировал совершить восемнадцатое ежегодное лыжное путешествие по стране. Но вместо того Ханс немедленно вернулся в столицу. Ко времени возвращения его уже назначили вести расследование. Никто не мог толком объяснить, каким образом такое решение было принято, но ясно, что не обошлось без самых высокопоставленных лиц в стране.

Хольмер соответствовал многим требованиям к человеку, которому следовало доверить самое важное расследование убийства в шведской истории. Невозмутимый и решительный, он обладал опытом полицейской работы – как бывший глава СЭПО и как комиссар столичной полиции. Располагал он и политическими связями, в особенности в кругах правящей социал-демократической партии. В прошлом он помогал Улофу Пальме в трудных ситуациях. История с Информационным бюро и дело Гейера – примеры таких ситуаций, чреватых отставкой Пальме. Случалось, что преданность Хольмера и его твердая воля подвергались испытанию. И всегда он, вместе с Эббе Карлссоном, появлялся на сцене, демонстрируя способность действовать в критических обстоятельствах. Теперь человек, чьим близким подручным Хольмер был долгие годы, погиб, и от Ханса зависело, понесут ли убийцы наказание.

* * *

В субботу 1 марта в 10:50 Ханс Хольмер прибыл в штаб полиции, чтобы официально возглавить расследование. Он уже принял предложение прислать наблюдателя от Министерства юстиции. Младшего секретаря Харальда Фельта прислали как представителя генерального директора для участия в расследовании. Согласно шведской Конституции, вмешательство правительства в работу полиции возбраня-

лось, но Хольмер согласился на участие Фельта, исходя из того, что исключительные обстоятельства требуют исключительных мер.

СМИ и общественность ожидали информации. Хольмер дал первую из длинной череды пресс-конференций в связи с убийством Пальме. Времени у него хватило лишь на краткое совещание с коллегами, однако он быстро принял решение, что одного из двух предполагаемых убийц, упомянутых в более раннем заявлении, следует отбросить. Теперь речь шла об одном преступнике. Хольмер не объяснил, что заставило его принять такое решение.

Он вошел в зал для пресс-конференций в штабе полиции в полдень и начал говорить в уверенной манере, благодаря которой стал впоследствии Шведом года.

* * *

Давление было огромным. На Хольмера смотрел весь мир: ожидалось, что для расследования он назначит кого-то из самых квалифицированных дознавателей. Хольмер всех удивил, взяв эту роль на себя. Опыта, необходимого, чтобы лично заниматься столь значительным делом, он не имел, но таким опытом могла похвастаться его команда – за два дня ее состав превысил две сотни человек.

В первые дни не знали, чего ожидать. Убийство Пальме могло оказаться началом больших событий. Может быть, го-

сударственного переворота. Первым делом Хольмер позаботился о собственной безопасности. Вместо того чтобы обращаться к опозорившейся СЭПО, он нанял четырех телохранителей, которым полностью доверял.

Как лицо, возглавляющие расследование, Хольмер должен был убедиться, что пользуется поддержкой правительства. На следующий после убийства день он встретился с новым премьером Ингваром Карлссоном.

Встреча прошла в комнате за большой аудиторией в стокгольмском городском конференц-центре в шесть вечера 2 марта. Эббе Карлсон тоже присутствовал, хотя формально занимал должность редактора в книгоиздательстве, но и Ингвар Карлссон, и Хольмер знали, что как друг Улофа Пальме Эббе часто оказывался там, где вроде бы ему нечего было делать. И почти столь же часто он управлялся с тем, с чем никто другой не мог разобраться. Как раз такой случай.

Хольмер вкратце ввел премьера в ход расследования и получил подтверждение, что задача и в самом деле целиком возложена на него. Убийство можно было рассматривать как террористический акт, и тогда им следовало заняться СЭПО, или как особое происшествие, что находилось в компетенции Государственного департамента уголовных расследований. Но дело отдавали в руки Хольмера.

За первые несколько дней появились подсказки и наводки, указывавшие на все подряд, от версии международного заговора до версии одинокого стрелка-психопата. Первая на-

водка, ставшая известной прессе, касалась одного австрийца. СМИ сообщали, что полиция рассматривает убийство Пальме как уличное преступление. Хольмер вступил в игру.

2 марта он провел вторую пресс-конференцию и участвовал в прямой трансляции программы новостей *Aktuellt* по обществу государственному каналу. Никто не протестовал против того, что Хольмер взял расследование в свои руки. Пройдет немало времени, прежде чем его полномочия в этом деле будут поставлены под вопрос.

Казалось совпадением, что за день до убийства кто-то из СЭПО звонил по личному номеру Эббе Карлссону. Звонивший хотел поговорить о книге, которая, по его мнению, должна была быть издана. Но еще он обронил, что в СЭПО перехватили звонок, который истолковали как указание, что Рабочая партия Курдистана планирует убийство в Швеции. Сотрудник СЭПО не знал, кому предстояло стать жертвой. Услышав о гибели Пальме, Карлссон решил, что об этом-то и шла речь. У Ханса Хольмера сохранились связи в СЭПО с тех пор, как он возглавлял эту спецслужбу. Поэтому, узнав от Карлссона о звонке, почти сразу после убийства премьера он распорядился начать расследование с предполагаемого участия Рабочей партии Курдистана.

* * *

Работа дознавателей шла полным ходом, и к началу следу-

ющей недели команда Хольмера взяла показания у нескольких сотен человек. Во второй половине дня 1 марта два старших инспектора встретились с Лисбет Пальме у нее дома. Хотя ее опрашивали на следующий день после убийства, Лисбет не смогла описать лицо стрелявшего. Похоже, она путала убийцу с одним из свидетелей. Отзывы Лисбет об одежде и телосложении преступника не совпадали с описаниями, полученными от других свидетелей. В довершение всего один из свидетелей, назовем его человеком из «Скандиа», так как он работал в здании «Скандиа», влетел на место преступления сразу после убийства, произведя эффект слона в посудной лавке. Так что другие свидетели могли перепутать его с убийцей.

В понедельник члены проводившей расследование команды связались с немецкими коллегами из лаборатории Федеральной уголовной полиции в Висбадене. Эти немцы были лучшими в Европе мастерами по составлению портретов преступников на основе свидетельских показаний. Договорились, что они прибудут в Стокгольм 5 марта и, выслушав важнейших свидетелей, попытаются воссоздать облик убийцы. До этого стокгольмским полицейским оставалось отобрать и выстроить по порядку самые значительные показания.

Вскоре после убийства двадцатидвухлетняя Сара вышла покурить через заднюю дверь из самого горячего стокгольмского ночного клуба *Alexandra's*. Открывая дверь на улицу Смала Гранд, она едва не ударила ею взволнованного мужчину, пробежавшего мимо. Их глаза встретились, и он сразу же поднял воротник. Там было достаточно светло, поэтому она имела возможность запомнить его черты. На следующий день, услышав о гибели Пальме, она связалась с полицией и описала их.

Немцы из Федеральной уголовной полиции – детектив-суперинтендант Иоахим Хойн и специалист Штефан Вагнер – приехали со всем необходимым оборудованием для составления фоторобота. Фотографии лиц делились на четыре части: секции подбородка, носа и щек, глаз и бровей и волос. Части лица подозреваемого подбирались друг к другу из большого каталога таких секций, в зависимости от общих указаний свидетелей, например: круглое лицо с большим ртом, вдавленный подбородок, высокий лоб. На телеэкране демонстрировалось составленное лицо, и свидетель мог, опираясь на собственную память, указать на несоответствия. Оператор менял расстояние между отдельными частями лица, заменял одни детали другими. Процедуру можно было повторять сколько угодно раз, однако обычно образ со-

здавали в течение часа. Когда, наконец, свидетель и оператор добивались желаемого, этот образ закрепляли фотографически.

Убийство Пальме было делом необычным, как и свидетельница, которая оказалась чрезвычайно наблюдательной. Прошло целых четыре часа, прежде чем завершился процесс составления фоторобота. Итогом стал черно-белый фотопортрет. Впервые термин «составной портрет» использовался в шведском языке, и его позаимствовали прямо из немецкого, поскольку специалисты были немцами: *phantombild*, «фотофантом».

Портрет доставили Хольмеру, а от него 6 марта этот «фотофантом» получил, как подарок на день рождения, вместе с папиросницей комиссар национальной полиции Хольгер Романдер. Множество копий этого портрета разослали полицейским и в редакции газет по всей стране. Немецкие техники создали с помощью менее важных свидетелей дополнительные портреты, но только этот был опубликован и стал известен всем шведам как «фотопризрак». Слово подходящее, если учесть, что убийца растворился в воздухе, словно привидение.

У Лисбет Пальме не стали просить помощи в составлении фоторобота, потому что толком описать преступника у нее не получилось.

С публикации составного фотопортрета начались непрерывные звонки, дававшие полиции одну наводку за другой.

Всего наводок набралось 8000. Критики такого метода работы считали, что полиция даром теряла время и силы на мнимые опознания и что публикация фоторобота отбила желание звонить в полицию у тех, кто мог предоставить сведения о подозрительных личностях, не похожих на «фантома».

Со временем в ходе расследования пришлось тратить силы еще и на то, чтобы дать какие-то объяснения по поводу фоторобота и показаний Сары, которые перестали соответствовать версии следователей.

Виктор

Стокгольм, 9 марта 1986 года

Девять дней адской напряженной работы и мысли, непрестанно крутившиеся в голове во время поездок из дома в «ТТ» и обратно, вымотали Стига. Пару часов каждую ночь они с Эвой разговаривали, потом еще несколько часов он спал, но это не очень помогало прервать движение мыслей по кругу, все быстрее и быстрее. Все, о чем он думал, имело отношение к убийству премьер-министра.

В девять проходила утренняя летучка. 9 марта Стиг вошел в здание «ТТ» на четверть часа позже и стоял в дверях комнаты, где она проходила, как делал всегда. Он сразу почувствовал, что что-то произошло. Вроде муссировались те же темы, но все в комнате были очень оживлены и полны энергии.

Такого он не видел с тех пор, как пять лет назад в водах Карлскроны появилась советская подводная лодка У137. Когда минуты две спустя летучка закончилась, Стиг попытался поймать кого-нибудь за рукав, но все торопливо расходились, каждый кивком показывал, чтобы он обратился с вопросом к другому. Наконец он остановил одну из редакторов – выяснить, в чем дело.

– Ты не знаешь? Вчера полиция задержала подозреваемо-

го в убийстве Пальме.

Стиг стал обзванивать лучших знакомых, от которых мог бы получить информацию об аресте. Двое криминальных репортеров не имели ни малейшего представления, но с третьим собеседником, недавно появившимся знакомым из СЭПО, повезло больше. Помявшись, тот сказал:

– Даже мы еще не знаем, как его зовут, а то, что мне известно, не подлежит огласке. Этот парень правый, антикоммунист. Не наци, но все же ультраправый. Член разных организаций, шведских и иностранных, религиозен. Это все, что у меня есть.

Стиг обрадовался. Если это правый экстремист, или антикоммунист, как они себя обычно называют, у него самого есть под рукой сведения, собранные в ходе собственных разысканий. Последние несколько лет Стиг составлял досье на организации, сети и отдельных лиц, отличавшихся ультраправыми взглядами. Однако, несмотря на все усилия, он все еще пребывал в замешательстве. Как в восьмидесятые люди, в других отношениях кажущиеся нормальными, могут участвовать в собраниях, где выражаются расистские и фашистские взгляды? Эти люди состояли в совершенно приличных политических партиях, умеренных или либеральных, однако границы, отделявшие их от правых, ультраправых и даже откровенных нацистов, постепенно стирались.

Работа Стига, направленная против правых экстремистов, серьезно продвинулась вперед, когда он впервые встретил

Джерри Гейбла, главного редактора английского журнала *Searchlight*. Между ними установились особые взаимоотношения, и, когда Стиг писал для *Searchlight*, что случалось довольно часто, статьи выходили за подписью «Наш шведский корреспондент». Это удовлетворяло потребность Стига в анонимности и давало приятную возможность увидеть свои статьи опубликованными.

Неудивительно, что теперь, когда у Стига ушли годы на борьбу с правым экстремизмом, сердце у него екнуло при известии, что полиция задержала ультраправого по подозрению в убийстве Пальме. В его досье немало людей соответствовало описанию задержанного, и он пересмотрел материалы, касавшиеся самых вероятных кандидатов.

Перед тем как обойти коллег из редакторской команды «ТТ» и попытаться выяснить, известно ли им что-то еще или не узнали ли они что-нибудь, что противоречило его собственному источнику информации, он выписал кое-что в блокнот. Вскоре ему стало понятно, что по этому вопросу он осведомлен лучше всех. Полиция больше преуспела в том, чтобы не допустить утечек, чем в день убийства. Стиг поделился с коллегами тем, что узнал, но строго запретил об этом писать. Иначе он подставит своего знакомого из СЭПО.

На сторонний взгляд могло показаться, что правый фланг шведской политической жизни возник ниоткуда или подпитывался взглядами, которые с течением времени развились из нейтральных. На самом деле речь шла о небольшой, но

сплоченной группе людей, состоявших во многих организациях и напрямую продолжавших традицию нацистских движений, возникших в период между двумя мировыми войнами. В первые десятилетия после Второй мировой войны эти движения прекратили активную деятельность, но не исчезли. Немецкие офицеры гестапо искали, где укрыться. Южная Африка привлекала многих, но и Восточная Германия тоже, потому что страна по-прежнему была враждебна США и Великобритании и потому что антисемитизм за железным занавесом не умирал. Ряд нераскаявшихся нацистов оказался в Швеции, где у них были скрытые приверженцы и сочувствующие. Собственные изыскания Стига подтверждали то, о чем предупреждали другие: существуют как близкие, так и опосредованные связи между шведскими ультраправыми, депутатами парламента и верхушкой шведской экономики.

Впервые со дня убийства Стиг собирался уйти с работы домой пораньше, но до этого сообщил Джерри и его коллегам о задержанном подозреваемом и сказал, что он будет сообщать подробности по мере поступления новой информации. Не похоже было, что полиция порадует в этот вечер каким-то откровением. Вот завтрашний день наверняка будет важным – журналисты станут осаждать полицию, пока не получат имя. Все понимали, что полицейские будут упорствовать, но мало-помалу предоставят сведения. Возможно, этот день окажется решающим в шведской истории.

Как и предполагал Стиг, начались утечки. Сложность заключалась в том, чтобы отсеивать личные домыслы отдельных офицеров от правды. Ходили слухи, что газета *Dagens Nyheter* пользуется своеобразной монополией на сведения от Хольмера и других руководителей расследования. А прочие СМИ, и «ТТ» в их числе, вынуждены опираться на информацию от нижестоящих.

Стигу удалось узнать личность задержанного, которого в прессе называли «человеком тридцати трех лет»: Виктор Гуннарссон. Он соответствовал предрассудкам насчет маргинала, которого привлекают взгляды и организации на грани дозволенного. В его случае одной из таких организаций являлась Европейская рабочая партия (ЕРП), которая, хотя ее название как будто указывало на левизну, была шведским ответвлением правого движения, основанного Линдом Ларушем. Гуннарссон безгранично восхищался США – в Стокгольме часто слышали, как он говорит на американском английском или по-шведски с американским акцентом. Этим, вероятно, компенсировалось его происхождение из деревушки Йемьё в захолустной лене Блекинге на юго-востоке Швеции. Переехав в Стокгольм, он ничего особенного не добился в жизни, не завел настоящих друзей, сменил несколько профессий, то работая охранником, то подменяя

учителя французского языка.

Когда заговорили о связях Гуннарссона с ЕРП, Стиг вернулся мыслями к справкам, которые наводил об этой странной организации. Он вспомнил, что в 1978 году видел кого-то похожего на Гуннарссона у книжного стенда ЕРП в Хаймаркете (Хётorget) в Стокгольме. Человек стоял как зевака, но больше смахивал на зазывалу, привлекающего к стенду внимание идущих мимо. Стиг еще пару-тройку раз наблюдал, как этот человек ведет себя точно так же. И уверился, что Гуннарссон работает на Рабочую партию.

Но едва Стиг порадовался возможности связать расследование убийства с результатами своих прежних разысканий, как полиция отпустила подозреваемого, не предъявив обвинений. Стиг решил не контактировать с полицейскими насчет Гуннарссона, а вместо этого написать письмо Джерри, жаждущему новостей. После убийства прошло почти три недели, и, как выяснилось, информации для английских друзей накопилось больше, чем казалось Стигу. Ему понравилась собственная первая фраза, которая могла бы стать первой фразой романа:

Убийство шведского премьер-министра Улофа Пальме — честно сказать, один из самых невероятных и увлекательных случаев такого рода, какими я только имел несчастье заниматься.

В итоге он отправил семь густо исписанных страниц. Если посчастливится, Джерри попросит написать статью. Если

нет, то по крайней мере коллектив *Searchlight* получит сведения, которые потом могут оказаться ценными. Особенно если убийство останется нераскрытым еще, например, полгода.

Обвинение прокуратуры

Стокгольм, апрель 1986 года

За месяц с момента убийства положение Хольмера как человека, который найдет ответы, упрочилось. По шведским законам, в предварительном расследовании большую роль играет прокурор, но Хольмер категорически заявил, что прокурору придется подождать, пока полиция не сочтет, что улики у нее достаточно. Таким образом, Хольмер не только возглавлял расследование, но и был наиболее высокопоставленным лицом, занимавшимся этим делом. Вскоре главный прокурор К. Г. Свенссон начал выказывать признаки нетерпения; межведомственное напряжение возросло, когда полиция выразила желание, чтобы Виктор Гуннарссон остался под стражей. Решение зависело от прокурора, и он освободил Гуннарссона. Хольмер пришел в ярость и перестал поддерживать связь со Свенссоном.

Затем генеральному прокурору Магнусу Шёбергу позвонили из Министерства юстиции. Харальд Фельт хотел, чтобы прокуроры прибыли в Министерство на встречу. Поэтому вечером 2 апреля Свенссон и Шёберг отправились в здание в стиле ар-нуво на противоположном от парламента и королевского дворца берегу, где находится шведское правительство.

Их уже ожидал Ханс Хольмер. Оказалось, предварительное совещание, в котором участвовали он сам, Фельт и министр юстиции Стенли Викбом, уже закончилось, и в итоге был достигнут компромисс: генеральный прокурор Шёберг должен изменить решение Свенссона в соответствии с пожеланиями министра, за Свенссоном останется, и то лишь ненадолго, лишь расследование относительно Гуннарссона. Хольмер показал, что правительство во главе с самим премьером Ингваром Карлссоном, если понадобится, готово выступить на его стороне.

Все, что касалось Виктора Гуннарссона, напоминало петушиный бой и не имело большого значения для Хольмера, сосредоточившего внимание на Рабочей партии Курдистана. Но полиции трудно было вычислить эту группировку, хотя СЭПО и приглядывало за ней годами. В РПК, частную организацию, сложно было проникнуть. Круг потенциальных агентов ограничивался очень немногими. Не такая простая задача найти курда, который внушил бы доверие РПК и при этом согласился бы выдать своих земляков шведской полиции. Особенно если учесть, что некоторые бывшие члены партии, которых сочли предателями, были убиты в разных уголках Европы. Но власти продолжали прослушивать членов РПК. Полиция надеялась отыскать того, кто намеревался выйти из группировки и мог поделиться полезной информацией. Пока Хольмеру удавалось держать в секрете расследование относительно Рабочей партии Курдистана, но он пони-

мал, что выход этой информации наружу – лишь вопрос времени. С тремя сотнями подчиненных, привлеченных к расследованию, недолго удастся сохранить тайну.

Нескольким детективам поручили работать по другим зацепкам, но было очевидно, что руководство следствия не проявляет большого интереса к их версиям. Отчеты лежали непрочитанными. Предложенные в связи с другими зацепками меры не предпринимались, притом без всяких объяснений. Это порождало раздражение, но, что типично для полиции, любое недовольство удерживалось в стенах учреждения и не выносилось на публику.

Руководители расследования удивились, что немногочисленные сотрудники, работавшие по делу Гуннарссона, сумели добиться результатов, хотя подозреваемый и не имел отношения к основной версии дознавателей. Томми Линдстрём, шеф Государственного департамента уголовных расследований, лично разобрался с этим. Линдстрём заполучил ключ, найденный при обыске в доме Виктора Гуннарссона, и обнаружил, что им открывается дверь в здании, где располагается другая курдская организация, а само здание стоит, ни много ни мало, на предполагаемом пути бегства убийцы с места преступления. По мнению Линдстрёма, это доказывало, что между все еще секретной основной линией расследования и Гуннарссоном есть связь.

Таким образом, весной 1986 года перед Хольмером открылась перспектива возложить вину на Рабочую партию

Курдистана. Он не подозревал, что это лишь первый шаг в лабиринт фантастических, далеко идущих гипотез, где шведская полиция заблудится на целые десятилетия.

Углубляясь в архив

Стокгольм, 30 марта 2013 года

После пяти часов без дневного света в окружении пыльных бумаг, измученный тянувшим по полу сквозняком, я порастерял бодрость – хотя мне и удалось усесться поудобнее, когда переносная коробка завалилась набок. И все же я не мог оторваться от записей Стига. Каждый ящик, который я открывал, содержал материалы, указывавшие в новом направлении. В одном я нашел аккуратно завернутые ежедневные газеты за время сразу после убийства Пальме. Выглядели они будто только что из-под печатного пресса, а новости запоздали на тридцать лет. Они перенесли меня в 1986 год, погрузили в царивший тогда хаос, где каждый охотился за новой ниточкой или искал иной угол зрения.

Журналистам удалось побеседовать со многими из свидетелей. Чету Пальме сопровождало трое, когда они шли из «Гранд Синема», – двое впереди, один сзади. Лисбет Пальме сказала, что узнала двух человек на месте преступления, она заметила их неделю назад возле резиденции, где жила с мужем. Несколько свидетелей описали людей с рациями, которых видели рядом с резиденцией, у станции метро «Гамла Стан», где те сели на поезд, возле «Гранд Синема», когда там находились Пальме, и на самом месте убийства.

Я понимал, что передо мной лежит огромное собрание данных и что Стиг должен был потратить ужас сколько времени, чтобы собрать их и привести в порядок. Мои собственные материалы были в основном электронными, но я догадывался, что они вдесятеро меньше по объему информации, чем материалы Стига, хотя я провел в розысканиях уже четыре года. Окунувшись в расследование убийства Пальме, приобретаешь зависимость, «подсаживаешься» на него, и это многие могут подтвердить. У Стига интерес к убийству логично сочетался с исследованием мира правых экстремистов. А вот почему я посвятил несколько последних лет нераскрытому преступлению тридцатилетней давности? В моей жизни не было тех сверхзадач, которые мотивировали Стига: ни глубокого стремления к страстной борьбе с расизмом и экстремизмом, ни одержимого желания искоренить в нашем обществе неравенство и нетерпимость.

Очарование нерешенной загадки отчасти объясняло мою заинтересованность, но не то количество времени, что я уделил разгадыванию. Самое правдоподобное объяснение – я убежал от своей слишком обычной жизни с ее монотонностью, скукой – и желанием чего-то иного. Часы, проведенные в хранилище, могли показаться мрачным, пыльным, отталкивающим трудом, но для меня они стали пребыванием в будоражащем мире, не похожем на мой.

Насчет мотива мнения в газетах за несколько месяцев после убийства совпадали: имел место заговор. Карта, которую

Стиг сделал для «ТТ» 2 марта, была опубликована в нескольких газетах, и благодаря ей я мог получить представление о ходе событий. До известной степени то, что я читал, усваивалось легче, чем то, что пишут об этом убийстве сейчас. Похоже, тогда люди и в самом деле знали об обстоятельствах дела больше, чем мы тридцать лет спустя. Полиция и СМИ возились с фактами, пытаясь сопоставить их с теми версиями, которые возникали.

И я читал и читал дальше.

Status Quo

Стокгольм, 4 апреля 1986 года
Джерри Гейблу, SEARCHLIGHT

Стиг Ларссон
Аксбюплан 34,
S-163 73 Спонга,
Швеция,
тел. (08) 36 79 74

Дорогой друг!

Кажется, поиски убийцы шведского премьера Улофа Пальме все еще безрезультатны. Вероятно, то, что боги, распорядившиеся расследованием, на прошлой неделе в поисках убийцы задействовали ВВС, указывает на отчаяние, охватившее штаб шведской тайной полиции.

Нет, дорогие мои, это не шутка. Два самолета «Вигген», реактивные истребители-перехватчики, едва не повышибали все окна в центре Стокгольма, проносясь над городом на небольшой высоте. Их задание: сфотографировать все крыши в районе убийства в надежде найти пистолет «смит-и-вессон», из которого стреляли в Пальме. По предположению полиции, убийца бросил его на крыше одного из зданий.

Никто не позаботился объяснить ни репортерам, ни

слегка изумленным гражданам, какого черта убийца полез на крышу, чтобы бросить там оружие, если он спешно покидал место преступления.

Правильно, ваше недоумение не меньше моего.

Есть еще второе «призрачное фото», которое распространила полиция, составив с помощью компьютера. На нем изображен человек, который, по описаниям свидетелей, 5–6 раз попадался под ноги Улофу Пальме в январе и феврале. Полицейские говорят, что он, мол, замешан в убийстве, раз ходил за Пальме по пятам. Еще они говорят, что он глава заговора и, возможно, преступный разум, стоящий за убийством.

Свидетели описывают его так.

Возраст: 30–35

Рост: 195–200 см

Широкие плечи, атлетическое сложение, можно предположить, что бывший борец или боксер.

Светлые или рыжеватые волосы, некоторые считают, крашеные.

Говорит на немецком и английском языках.

Ярко-голубые или серо-голубые глаза.

Еще: награда за предоставление полиции сведений, которые позволят поймать убийцу, увеличена на полмиллиона крон и теперь составляет один миллион, приблизительно 100 000 фунтов.

Всего наилучшего,

После Чернобыля

Стокгольм, май 1986 года

После пары теплых дней в конце апреля опять похолодало, и все задавались вопросом, когда же наступит весна. Стиг не придавал этому значения, но Эва и некоторые из его коллег страдали из-за плохой погоды. Его же пребывание на улице ограничивалось расстоянием от дома до станции метро и от выхода из метро до работы – и тем же путем в обратную сторону через десять-четырнадцать часов, с сигаретой в руке.

Его голова была так забита делами в агентстве, что он бы и не заметил, если бы короткого шведского лета вовсе не случилось.

По-прежнему в повестке дня присутствовало убийство Пальме, но более актуальным вопросом стало распространяющееся над Европой радиоактивное облако, обнаруженное в Швеции.

Советские чиновники тщетно попытались сохранить происшествие в тайне. Именно благодаря измерениям уровня радиации на шведской атомной станции Форсмарк к северу от Стокгольма впервые была замечена угроза: с их помощью можно было показать, что облако пришло из зоны вокруг Чернобыльской АЭС на Украине, в семистах километ-

рах от Форсмарка. СССР пришлось признать, что в ночь с 25 на 26 апреля там произошел взрыв реактора.

Стиг, раздумывавший над убийством Пальме, сравнивал поведение советских властей с помпезными пресс-конференциями Хольмера, с его разглагольствованиями о свете в конце туннеля и цитатами из Черчилля, при всей бесплодности его работы. Стиг читал и сохранял все главные ежедневные газеты, если в них упоминалось убийство, а это происходило почти неизменно.

Через два месяца после убийства заговорили о вероятности, что оно не будет раскрыто. Однако крупнейшие и наиболее серьезные СМИ во главе с газетой *Dagens Nyheter* и общественной телестанцией *Sveriges Television* по-прежнему выражали доверие Хансу Хольмеру. У *Dagens Nyheter*, похоже, была прямо-таки горячая линия с полицией, им всегда удавалось раздобыть новости о расследовании раньше, чем остальным. Но Стига не беспокоило, что кто-то его опережает. Он считал, что внесет свой вклад, если выяснится, что замешан кто-то из ультраправых кругов.

Хольмер твердой рукой заправлял расследованием, но ответа не находил, и критика в его адрес начала усиливаться. Если Стиг все понимал правильно, то не много времени потребуется, чтобы давление стало невыносимым. И если убийство не будет раскрыто, встанет вопрос о смене руководителя расследования.

Альфа-самец

Стокгольм, лето 1986 года

Хотя у большинства шведов четыре недели отпуска летом, Хансу Хольмеру особо отдыхать не приходилось. Как и его коллегам. Он работал и ожидал того же от них.

Хольмер поручил группе детективов заняться Виктором Гуннарссоном, ЕРП и другими второстепенными направлениями поисков, создавая дымовую завесу вокруг главного направления, определенного самим Хольмером: Рабочая партия Курдистана. В комнате Пальме, где обсуждались такие вопросы и хранились материалы следствия, это направление получило кодовое название «Основная линия». Оно было на устах у других участников команды и попало в прессу. Но там никто не понимал, что оно означает.

Хольмер все лето готовил уголовное дело против подозреваемых курдов. Полиция уже знала имена некоторого числа людей, замешанных, как считалось, в планировании и осуществлении убийства премьера. Для стрелка пока никакого конкретного имени не нашлось. Наиболее правдоподобной версией представлялось, что убийца приплыл на корабле из Турции и его прятали до удобного случая. А потом доставили на угол улицы рядом с магазином художественных принадлежностей. Он выполнил свою задачу, и его как можно

скорее переправили обратно в Турцию.

По другой версии, РПК убрала стрелка после убийства и, значит, ухватиться было не за что. Мотив было легко вообразить: Пальме отказался предоставить убежище в Швеции лидеру Рабочей партии Курдистана Абдулле Оджалану, а многим сторонникам партии запретили въезд в страну. Полиция получила подсказку и относительно возможного оружия убийства.

Прокуратура решила следовать привычной процедуре и допросить подозреваемых, чтобы убедиться, что есть реальные основания для обвинения. Хольмер же считал, что это только увеличит риск, что улики, свидетели и убийца исчезнут.

Но в рукаве у Хольмера был припрятан туз. Он замышлял крупнейшую в истории шведской полиции облаву и уже выбрал для нее название: «Операция Альфа».

Подсказка Стига

Стокгольм, конец июля 1986 года

Конечно, Стиг не обратил особого внимания на короткое шведское лето. Правда, пару вечеров в начале июля, когда небо прояснилось после дождя, он прогулялся до «Т-Сентрален», главной развязки, вместо того чтобы сесть на поезд у городского совета. Несколько глотков чистого стокгольмского воздуха с запахом зелени и дождя – и только.

Стиг придержал при себе несколько месяцев то, что знал о Викторе Гуннарссоне и ЕРП. Полиция, прежде уделявшая все внимание другой версии, теперь сама обратилась к нему с вопросами о правом экстремизме.

По дороге из «ТТ» он миновал три монументальных здания, где располагались органы шведской судебной власти. Каждое из них на свой лад доносило до обитателей страны мысль, что нарушать закон себе дороже. Сперва он прошел мимо городского совета, где располагался также городской суд. Выстроенное в стиле национального романтизма здание напоминало средневековый замок с нарочито громоздкой башней в центре. Прямо напротив, через сквер, размещался старый главный штаб полиции. У штаба, возведенного в неоклассической манере несколькими годами раньше, чем городской совет, тоже была башня, но значительно тонь-

ше, похожая на антенну, по которой судебные власти обращались напрямую к Богу.

Эти здания связывал подземный переход, который удачно прозвали Переходом вздохов, так как взятого под стражу подозреваемого проводили этим коридором в суд из штаба полиции и, уже приговоренного, обратно, в заключение.

Новое здание, построенное для полиции, примыкало к старому штабу. Способностью внушать страх оно превосходило и его, и городской совет. В брутальной стилистике семидесятых ряды непропорционально маленьких окон чередовались с темно-розовой поверхностью фасада, так что строение производило впечатление исполинского бифштекса с мраморными полосками жира. Если облик этого сооружения не приводил преступников в смятение, значит, это и впрямь были отпетые негодяи.

Стиг уведомил регистратора о своем приходе. Пришлось подождать, пока к нему спустится офицер и проведет в глубину здания. Детектив Расмуссен тщательно записывал слова Стига, но сам проявлял к ним лишь весьма умеренный интерес. Стиг говорил, удивляясь, что ему не задают вопросов. Ведь они сами попросили его прийти! Он рассказал все, что знал о Гуннарссоне и его связях с ЕРП. Потом Расмуссен попросил его немного задержаться, и через пару минут вошел другой офицер. Представился:

– Мое имя Альф Андерссон. Можете рассказать мне про шведские ультраправые группы и про их ненависть к Паль-

ме?

Стиг думал, что встреча уже окончена, а теперь пришлось повторять все Андерссону. Наконец-то перед ним полицейский, которого, похоже, беспокоили люди и силы, действующие на правом краю шведского политического спектра.

Он провел почти три часа в полицейском штабе и покинул его с ощущением, что хотя бы один человек там в курсе дела. Ложкой дегтя в бочке меда стал намек Андерссона, что на самом деле руководство не испытывает интереса к следствию по линии правых организаций, но Стиг надеялся, что Андерссон просто водит его за нос, чтобы сообщение о новом направлении поисков не попало в новости.

Стиг не был, конечно, уверен в том, что полиция что-то предпримет, пользуясь его информацией, но по крайней мере что-то он сделал для расследования. Он также попросил на проходной копию записи о его визите как документальное подтверждение встречи. Он хотел когда-нибудь стать криминальным репортером и частым посетителем этого штаба, ему стоило начинать заводить тут связи. Всякий путь начинается с первого шага.

Летом стояло затишье, но, как думал Стиг, события разыграются осенью.

Загадка

Джерри Гейблу, SEARCHLIGHT

1 августа 1986 года

Стиг Ларссон

Аксбюплан 34,

S-163 73 Спонга,

Швеция,

тел. (08) 36 79 74

Дорогой Джерри

[...] Никаких особых новостей по убийству Пальме нет, но полиция сделала заявление, что вычислила убийц и прекрасно знает, кто совершил это преступление. У них нет улик, как они утверждают, и они не хотят производить преждевременных арестов. Обещают, что события будут развиваться в ближайшие полмесяца или месяц, но отказываются обозначить точную дату. Судя по заявлению, можно ожидать просто еще одно новое заявление, которое покажет, что они продолжают работу над поимкой преступников, но может быть и что-то более содержательное. Вопреки обыкновению, это заявление сделали члены высшего эшелона (прежде были просто анонимные источники в полиции).

Неизвестно, какое направление приняло расследование, но вот то, что мне удалось узнать из довольно надежных источников:

Связь с Ларушем определенно изучается и по-настоящему вызывает интерес у полиции. Официально ничего такого не говорят, но я знаю это, потому что недавно сам стал тем, к кому обратились за сведениями.

По словам одного человека из штаба полиции, они ищут «группу ультраправых, не нацистов, но тех, кто на самом краю, тех, кого, однако, люди обычно не связывают с правым экстремизмом». Другой говорит, что это «обычная группа лиц со связями в правых кругах».

Ты тоже разгадываешь загадки?

Удачи,



Минуты

ЗАПИСЬ В МАТЕРИАЛАХ СЛЕДСТВИЯ

по уголовному делу номер 13082–5

Дата: 5 августа 1986 года

Юридический округ: Стокгольм

Государственный департамент уголовных расследований

Принял информацию: детектив К. Расмуссен 7327

Запись по делу об убийстве Пальме

Источник информации: Стиг Ларссон

Профессия: журналист

Работодатель: «ТТ», отдел графики

Тема: информация по ЕРП / Гуннарссону

Ларссон утверждает, что впервые столкнулся с ЕРП в 1973-м, когда партия за одну ночь «выскочила» в Швеции. Они располагали значительными финансами и хорошо налаженной структурой. Проводили встречи в разных местах в Швеции и везде оставались на несколько недель.

Ларссон присутствовал на их собрании в Умео в 1974 году. Он планировал задержаться там лишь ненадолго, но вместо этого полночи слушал хорошо подготовленные речи; в числе выступавших был Джон Хардвик. Ларссон проникся интересом к ним, но не стал членом группировки.

Выступавшие провели пару недель в Умео, мероприятия

шли по несколько в неделю. Их темой был новый мировой порядок, способный предотвратить всеобщую катастрофу. По впечатлениям Ларссона, эта тематика точно соответствует академической интерпретации фашизма. Он читал книги и иные опубликованные материалы ЕРП, и все указывало на то же самое отношение к отдельным лицам и обществу.

Организацией руководят из Восточной Германии, сейчас, как и тогда. Клиффорд Гэдди – человек, который передает директивы оттуда в Швецию.

В 1978 году информантом стал Микель Вале, ныне работающий в Висбадене, в Европейской штаб-квартире Европейской рабочей партии, в прошлом – агент спецслужб и инакомыслящий в Комитете американских дезертиров в Швеции. Когда его выгнали оттуда, он занялся организацией ЕРП вместе с Торе Фредином.

С 1974 года Ларссон обращает внимание на книжные стенды ЕРП и слушает ее ораторов.

Работая графиком-дизайнером в «ТТ», он ознакомился с фотороботом тридцатитрехлетнего подозреваемого. Он полагает, что когда-то видел этого человека.

Ларссон уверен в точности своей визуальной памяти, но не может вспомнить, где его видел. Позже в тот же день он припомнил, что видел его трижды. Первый раз – в Хаймаркете (Хёторгет) в Стокгольме в 1977–1978 годах, когда останавливался у книжного стенда ЕРП. Этот человек, принадлежавший к партии, тогда говорил с ним. Спрашивал, что

Ларссон думает о воззрениях, пропагандируемых ЕРП, о его работе, месте жительства и т. д. Человек начал разговор со слов «Привет, как дела?» – как если бы они с Ларссоном были знакомы. Сперва Ларссон не мог понять, знает ли он этого человека на самом деле, но затем заподозрил, что тот член ЕРП и, по-видимому, приманивает публику к стенду. Ларссон расстался с ним через 10–15 минут.

Через две-три недели он встретил этого человека у стенда ЕРП перед супермаркетом *Nordiska Kompaniet* на Хамнагатан. В этот раз он решил не приближаться, но видел, что и здесь этот человек собирает у стенда любопытных.

Ларссон много размышлял об этом, особенно после того как полиция пригласила его побеседовать. Он уверен, что этот человек очень похож на тридцатитрехлетнего подозреваемого. Восемь лет назад у него была другая стрижка, подлиннее.

Ларссон – внештатный сотрудник *Searchlight*, радикального лондонского журнала, который пытается проводить журналистские расследования относительно ультраправых групп в Европе и США.

Северин

Стокгольм, лето 2014 года

За стеклом в кондитерской «Кафе Ньюберга» – вся классическая шведская выпечка: зеленые тортики «Принцесса», шоколадные шарики, земляничные пирожные, плюшки. Кофе немного перестоял на горелке, но все же бодрит. Публика тут смешанная, но, когда спадает утренний наплыв клиентов, вокруг меня остаются в основном немолодые мужчины. Разговор касается самых разных тем, от мировой политики до звука бьющегося стекла минувшей ночью.

Стиг тоже любил посидеть в стокгольмских кафе, послушать, о чем толкуют за соседними столиками. От его знакомых я знаю, что в кафе он встречался с теми, кто предоставлял ему информацию. Его друзья рассказывают анекдот, как Стиг описывал им одно кафе, в то время только что открытое им для себя, а затем ставшее любимым. Оно называлось «Северин» – так же звали дедушку Стига. Вернее, Стиг считал, что оно называется «Северин», пока не обнаружил, что вывеской служило слово *Servering*, которое обычно по-шведски означает просто «ресторан» и в котором не горели две буквы.

Дедушка Стига Северин занимал в его жизни большое место даже через много лет после смерти. Северин всегда был

«красным», даже кресло-качалка в его гостиной было красного цвета. Когда родители Стига оставили его ребенком на попечение бабушки и дедушки по материнской линии, Стигу понравилось у них, хотя Северин и его супруга Текла жили очень скромно – к этому Стиг быстро привык. Их дом, может, и не был просторен, зато мальчик пользовался безграничной свободой в деревне Моглиден, недалеко от Норше во внутренней части Северной Швеции. Дома там выстроились друг за другом вдоль одной гравийной дорожки. В три года Стига отпускали одного гулять по всей деревеньке. Очень скоро он начал называть Северина «папой», а Теклу «мамой» – ведь сколько он себя помнил, он всегда жил с ними. Когда приезжали его отец Эрланд и мать Вивианне, он называл их по именам, хотя и знал, кем кто на самом деле ему приходится.

Мальчиком Стиг проводил много времени в мастерской Северина, где тот чинил соседскую газонокосилку или карбюратор. Здесь же Северин беседовал о политике с теми, кто его навещал. Стиг впитывал все, что слышал.

Северин ненавидел нацизм, а еще больше ненавидел нацистов, которые после войны надели маски и затаили порочную идеологию в сердцах. Таких было немало, они занимали высокие должности, выше, чем могли представить себе обыватели. Стиг учился на этих разговорах деда. Не так много ребят в Северной Швеции интересовались политикой, поэтому развитие маленького Ларссона считали преждевременным.

Когда ему исполнилось девять лет, его жизнь печально изменилась. Накануне осенью Северин перенес первый инфаркт и с тех пор чувствовал себя нехорошо. Доктор из Норше дал ему строгие предписания, но Северин ими пренебрегал. Прошел год, и страх перед новым инфарктом ослабел. 13 декабря 1962 года, в праздник Святой Лусии, дед Стига работал в своей мастерской. После полудня ему стало плохо, и он вынужден был прилечь на скамейке. У него стала сильнее обычного неметь рука, и он решил отправиться домой. Нужны были нечеловеческие усилия, чтобы одолеть всего несколько сот ярдов. Он и не одолел, упал лицом в снег.

На вопли детей, игравших в снежки и увидевших, как падает Северин, прибежало несколько взрослых. Старика, страшно побледневшего, затащили в машину соседа, куда села дрожащая Текла и протиснулся Стиг. Было легко поверить, что дед уже мертв, хотя поначалу он пришел в сознание. В клинике Норше доктор, осмотревший его и провозившийся с ним два часа, сказал Текле, что второй инфаркт едва не убил Северина и что ему придется остаться в клинике.

Текла Бострём расплакалась от облегчения. Через час им со Стигом позволили увидеть Северина, лежащего на больничной койке. Он тяжело дышал и мало напоминал человека, еще вчера весело гонявшегося за Стигом по маленькому домику в Моглидене. Его глаза казались пустыми, он, похоже, с трудом понимал, кто такие Текла и Стиг. Бабушка взяла мужа за руку и начала утешать, уверяя, что все будет хо-

рошо.

Четыре дня спустя врач решил, что Северин достаточно окреп, чтобы вернуться домой. Ему разрешались лишь короткие прогулки тихим шагом, запрещены были физические нагрузки, предписано регулярно принимать лекарства. Через три недели он мог бы опять начать понемногу работать.

Третий инфаркт случился утром за четыре дня до Рождества. Заглянув на кухню, где лежал Северин, спросить, не хочет ли он сэндвич на завтрак, Текла обнаружила его уже мертвым. Она замерла и онемела – с метлой в руке. Стиг почувствовал, что что-то произошло, и прибежал из комнаты с верхнего этажа. Увидев сцену в кухне, он бросился к парадной двери и стал звать на помощь. На крик мальчика прибежал сосед, разгребавший лопатой снег.

Северин лежал со скрещенными на груди руками и закрытыми глазами, а Текла неистово мела пол на кухне. Стиг яростно бил деда по ноге и громко ругал, что тот его покинул, не обсудив сперва этого с ним. Они с Теклой ощущали пустоту в душе, которую оставил по себе Северин. Через пару часов за мальчиком приехали Эрланд и Вивианне. Но годы, проведенные в Моглидене, наложили отпечаток на всю дальнейшую жизнь Стига.

Кафе

Увлеченность борьбой против правого экстремизма по-разному проявляла себя в жизни Стига, без перерывов со времени смерти деда. Однако только в последние несколько лет он начал находить подход к этой проблеме. Рассказы Северина о Второй мировой войне и послевоенных годах пробуждали интерес Стига. Он задавался вопросом, почему его дед пострадал из-за того, что в нем подозревали коммуниста, а сторонники нацистов продолжали спокойно работать в нейтральной Швеции. Стиг был еще ребенком, когда стал понимать, как несправедливо обошлись с его дедом. Может быть, желание отомстить за раннюю смерть деда в пятьдесят шесть лет так подействовало на Стига. В любом случае он намеревался посвятить всю жизнь борьбе с несправедливостью и нетерпимостью, особенно в форме фашизма, расизма и сексизма.

Но множество задач, занимавших Стига разом, отнимали уйму времени. Он выслеживал ультраправых, открыл журнал, писал книги. И кроме того, вел расследование убийства Пальме. На некоторые другие увлечения и на отношения с Эвой времени уже не хватало. Ему всегда нужны были еще одна чашка кофе или еще одна сигарета, чтобы поддержать тонус. Ни минуты, чтобы расслабиться или заняться

гимнастическими упражнениями.

Он стал набирать вес, здоровье пошатнулось. И это напоминало Стигу о том, что и ему отпущено ограниченное число лет, как и деду. Столько всего оставалось несделанным! Иногда я чувствовал, что мне поручили работу огромной важности – вдохнуть жизнь в кипы старых документов, в надежде, что там проблеснет необходимый намек на разгадку.

Работа немалая. Тем утром в «Кафе Ньюберга» я бегло, хотя и вежливо поприветствовал остальных посетителей и погрузился в чтение отсканированных бумаг Стига. На тот момент я уже несколько раз просмотрел все, что у меня было в электронном виде.

Я постепенно переносился в восьмидесятые, эпоху до мобильных телефонов, когда в Швеции было всего два общественных телеканала, всего пять политических партий в парламенте, а холодная война медленно шла к концу. Интерьер «Кафе Ньюберга» создавал подходящую атмосферу, поскольку здесь очень мало что переменялось с шестидесятых годов.

Чем больше я читал, тем более явными представляли связи и пересечения, которые видел и Стиг. Группировки правых экстремистов напоминали сегодняшние – с разной степенью расизма, фашизма и национализма. Уже тогда их всех объединяла враждебность по отношению к иммигрантам.

Небольшая группа шведских ультраправых в 1980-х годах утверждала, что главным образом их мотивировало нечто

иное, нежели ксенофобия. Они противостояли коммунизму, посчитав, что лучше бороться с ним, чем стать его жертвами, и выступали заодно с западным миром в холодной войне. Иногда приемлемые воззрения переходили в расистские, антисемитские или фашистские. Этих людей делало экстремистами то, что они готовы были прибегнуть к методам, не относящимся к легальным и демократическим. Методам, которые не исключали насилия.

Группа, которая открыто противостояла иностранцам, была более агрессивной и потому более заметной. Из архива я понял, что году в 1986-м менее заметная группировка интересовала Стига по крайней мере не меньше, чем другая. Возможно, менее агрессивные правые присутствовали в шведских государственных учреждениях, где властный ресурс в их руках мог принести много вреда.

Разыскивая убийц Улофа Пальме, Стиг, очевидно, делал все, что было в его силах. Но кроме того, он передавал полиции ту часть своих материалов, которые казались подходящими, когда журналистских возможностей не хватало, чтобы продолжить начатое. Он мог делать то, чего не могла полиция: раскапывать сведения, проникать в организации, но, в конце концов, это полицейские расследовали уголовные дела, прокуроры доводили их до суда, а суд выносил решение о виновности обвиняемых.

Теперь настала моя очередь сделать все, что моих в силах, чтобы дать полиции то, чего сами они найти не могли. Еще

до того, как я обнаружил архив Стига Ларссона, я наткнулся в своих разысканиях на человека, которого поначалу подозревали, но полиция в итоге оставила его в покое. Он так и не привлек большого внимания СМИ. Я думал, что поступлю так же, как поступил бы Стиг, и составлю для полиции отчет о человеке, которого я назвал Якоб Теделин. Я дал ему псевдоним, чтобы сохранить его имя в тайне, пока я только устанавливал связь между ним и убийством Пальме. Разумеется, в полиции узнают его настоящее имя, но для остальных он будет Якобом Теделином. В отчете, который я хотел написать для полиции, я бы обрисовал те новые факты о нем, что мне удалось узнать. Без каких бы то ни было допущений, отбрасывая не самую необходимую информацию. Это займет время, а пока, прежде чем начать, мне нужна еще чашка передержанного кофе. И сигарета.

Хольмер наносит удар

Стокгольм, декабрь 1986 года

Для полиции осень выдалась трудная. Журналисты при-
сматривались к «основной линии» расследования и выясни-
ли, что речь идет о Рабочей партии Курдистана. Статьи по
этому поводу вызвали у полицейских ощущение, что от них
требуют активных действий. Хуже всех тиранил полицию са-
мый влиятельный из журналистов – Ян Гийу. Человек, кото-
рый вытащил на свет гарвардское дело и другие неприятные
для Пальме истории, теперь убеждал читателей, что поли-
ция, как всегда, злоумышляет против иммигрантов и левых.
Он считал, что, сделав Рабочую партию Курдистана главным
объектом расследования, полиция хочет убить сразу двух
зайцев. Одним хорошо сформулированным доводом Гийу
развевал по ветру подозрения в адрес РПК и обратил оружие,
направленное полицией на курдов, против самого Хольмера.
Гийу выставил его зацикленным на себе и помешанным на
заговорах шутом. Хольмер счел, что подобное определение
больше подходит его автору, Гийу. Перебранка между СМИ
и Хольмером, начавшаяся в сентябре, продолжалась на гла-
зах публики до последних недель года. Ни одна из сторон не
желала уступать.

То же касалось раздоров между полицией и прокурату-

рой. Прокурор К. Г. Свенссон давно ушел, его заменил Клаес Зейме, хитрый старый лис, которому все равно в ближайшее время пора было на покой, и поэтому он ничего не терял, высказывая то, что думает. Хольмер продолжал систематическую разработку дела против курдов под постоянным обстрелом СМИ, прокуратуры и – возникало такое чувство – некоторых сотрудников самой полиции. Однако он все еще прятал туза в рукаве. Он собирался одним махом взять под стражу всех курдов, которые могли иметь какое-то отношение к убийству. Должны были быть допрошены одновременно не менее пятидесяти восьми человек. Эти так называемые борцы за свободу – в глазах Хольмера – были, несомненно, виновны. Черт возьми, его друг Эббе Карлссон получил прямоком из секретной службы информацию относительно готовящегося убийства за день до того, как оно произошло! В худшем случае, то есть если он не найдет стрелка, он по крайней мере докажет, что за убийством стоят курды. Возможность любого иного развития событий Хольмер отметал. Он нисколько не сомневался в своей правоте.

Мешало Хольмеру только то, что для проведения такой операции требовалось одобрение прокурора. Даже имея поддержку правительства, ему было не справиться с Зейме в одиночку. Прокуроры упрямылись, они даже сравнили операцию с действиями чилийских военных, согнавших оппозиционеров на стадион и заперших их там. После нескольких месяцев переговоров с прокуратурой там дали согла-

сие на «Операцию Альфа», но ограничили число подлежащих аресту курдов двадцатью. Приближалось Рождество, когда Хольмер не смог бы заставить своих подчиненных, и так прежде уже лишенных отдыха, работать без выходных. А между тем все силы должны были быть направлены на решение вопроса с курдами. Сейчас-то Хольмер действительно видел свет в конце туннеля.

Среди всех этих сложностей Хольмера настигла и добрая весть. Новостная программа *Rapport* главного телеканала *Sveriges Television* назвала его Шведом года. От этой высокой чести Хольмер пришел в восторг.

* * *

«Операцию Альфа» провели 20 января 1987 года. Полиция одновременно задержала для допроса двадцать человек, в основном курдов. Однако прокурор решил, что большинство должно быть отпущено в тот же день, а остальные – вскоре после этого.

Операция не принесла того успеха, на который рассчитывал Хольмер. Наоборот, она позволила прокуратуре восстановить должный порядок. Спустя две недели, 5 февраля, Хольмер сложил с себя полномочия руководителя расследования. Швед года снова стал всего лишь начальником полиции.

Но этим дело не кончилось. У Хольмера оставались свя-

зи среди министров социал-демократов и его друг Эббе Карлссон. Можно было еще какое-то время поиграть с «основной линией», курдской, но теперь уже тайком ото всех.

Нет, нет, да

Стокгольм, январь 1987 года

В половине девятого вечера в дверь квартиры Стига и Эвы позвонили. Стиг открыл и пригласил гостя войти. Хокан Хермансон, высокий, бородатый, темноволосый, обладал шармом, которому, вероятно, и был главным образом обязан уважением в редакции утренней газеты *Arbetet* – как и вниманием женщин. Стиг ожидал услышать от него выговор жителя Мальмё – там выходила *Arbetet* – и поразился сильному гётеборгскому акценту.

– Неблизкий путь сюда, в пригород Стокгольма, должен признаться. Вы не собирались пить кофе? Кажется, я чувствую запах.

Они прошли на кухню. Стиг наполнил чашки и прикурил сигарету. Он представил Эву, тоже появившуюся на кухне.

– Эва, моя жена или, лучше сказать, партнер – так это теперь называют? Мы вместе более десяти лет, и вы можете свободно говорить при ней все, что хотите сказать мне.

Эва, однако, приготовив себе сэндвич на завтра, извинилась и отправилась спать. Рано утром ей, как архитектору, нужно было присутствовать на открытии строительства. Стиг проводил Хокана в гостиную, и они уселись там за обеденным столом.

– То, что я слышал, звучит великолепно, но слышал я мало, поэтому давайте по порядку.

– Мы с Лассе Венандером работаем в нашей газете над одним проектом. Это нечто такое, что, скорее всего, будет иметь в Швеции долговременные последствия. Мы намерены пролить свет на то, как обстояли дела с ненавистниками Пальме и кампаниями против него до момента его убийства. Я слышал, вы отслеживаете деятельность правых экстремистов. Уверен, что ваша работа пересекается с нашей. Говорят, что ваш конек – раскопать что-нибудь эдакое. Поэтому мы с Лассе были бы очень рады, если бы вы присоединились к нам.

Трудно было противостоять обаянию Херманссона и тому, как он говорил со Стигом, – как будто они уже начали сотрудничество. Если с теми, кого он расспрашивает, чтобы выудить информацию, он ведет себя так же, ясно, что ему удастся заполучить больше сведений, чем другим. Херманссон положил перед Стигом два листа, исписанных от руки.

– Это список тех, к кому мы хотим присмотреться. У нас пока немного имен, но мне кажется, вы в этом разбираетесь лучше нас.

Стиг бросил взгляд на список и поднял глаза на Херманссона.

– Я социал-демократ и занимаю довольно прочное положение в партии, – пояснил тот. – Мы с Лассе встретились с партийным... ну, назовем это подразделением по сбору

фактической информации. Возникла идея написать серию статей в *Arbetet* и, возможно, книгу, если все пойдет гладко. При следующей встрече нам дали добро, мы получили финансирование. Но самое важное – это свободный доступ в социал-демократические круги. Никто из тех, кто знал Улофа, не откажется побеседовать с нами.

Теперь Херманссон выжидающе смотрел на Стига.

– Похоже, это крутой проект, и ясное дело, имена в вашем списке мне знакомы. Действительно, это совпадает с тем, над чем я сам работаю. Но кое-что меня смущает. Вы же знаете, что я не социал-демократ, верно? Я троцкист и пишу для Интернационала. И мы не в восторге от того, как вы правите этой страной. Даже если наши цели в данном случае совпадают, мне не очень хочется связываться с правящей партией.

– Да, я знаю, вы считаете нас ревизионистами и все такое. Но вы же согласны, что вся эта ненависть в адрес Пальме, косвенным образом направленная против демократии как таковой, – все это ужасно, не так ли? Или я чего-то не понимаю?

Стиг жестом показал, что все правильно, но есть еще кое-что.

– Я намерен противостоять фашизму и правому экстремизму, посвятить этому годы, может, всю жизнь. Но, как бы ни были заманчивы ваши предложения, мне бы не хотелось, чтобы мои противники знали, кто я и что и как расследую.

– Но если вы подключитесь к проекту, вы станете настоль-

ко известным, что сможете писать какие вам заблагорассудится статьи и книги. Вы совершите огромный скачок в карьере журналиста.

– Это да, а вот смогу ли я работать дальше? Бороться с ультраправыми – не совсем то же самое, что сделать журналистскую карьеру. Вопрос стоит так: приобрету ли я больше возможностей, чем потеряю?

Очевидно, эти два человека симпатизировали друг друга, но разговор пошел неверным путем. Херманссон просил у Стига то, что Стиг не готов был ему дать.

– Боюсь, должен сказать вам «нет». Пожалуйста, читайте то, что у меня есть, но я не могу пойти на риск, что не смогу отслеживать экстремистов, когда выйдут статьи, о которых мы говорим.

Стиг открыл бутылку красного вина и, не спрашивая, наполнил два бокала. Разговор перешел на другие предметы. Вероятно, это было нужно обоим, чтобы начать сначала. После второго бокала вина Стиг сказал:

– Погодите-ка. Я собираюсь сделать кое-что, чего никогда не делал.

Он вышел из комнаты, и Херманссону пришлось дожидаться его возвращения достаточно долго. Стиг вернулся с серьезным и решительным выражением лица.

– Вот что мы сделаем. Я помогу вам с поисками материала для этих статей. И совершенно бесплатно. Но хочу получить гарантии, что мое имя не будет упоминаться в связи с вашим

проектом. Такое предложение вас устроит?

Херманссон подумал несколько секунд и согласился. Гарантии анонимности – не самая большая цена за помощь человека, который, кажется, отыскивал информацию лучше всех в Швеции. Они скрепили договор рукопожатием, и Стик открыл вторую бутылку.

Миссия: Улоф Пальме

Стокгольм, февраль 1987 года

Идея проекта формулировалась так: «Эти статьи исходят из предположения, что убийство Улофа Пальме можно рассматривать как следствие, логично вытекающее из постепенных перемен в Швеции и во всем западном мире».

Это требовало тонкого подхода. Всегда надо уметь лавировать, когда пишешь книгу или серию статей, которая попадет в сферу пристального внимания всех политических групп. Да и речь шла об убийстве, к тому же убийстве Пальме, так что риск вызвать недовольство еще увеличивался.

Другой фактор риска состоял в том, что расследование могло увенчаться успехом до выхода книги. Могло выясниться, что между кампаниями, развернутыми против Пальме, и его убийством вообще нет связи. Хотя, конечно, разоблачение убийцы не назовешь отрицательным результатом, просто книга вызвала бы меньше внимания, вот и все. Удар критики брали на себя Хокан Херманссон и Ларс Венандер. От Стига требовалось только одно: провести изыскания так, чтобы они сами по себе не возбуждали нареканий.

Еще одна проблема, более конкретная, – огромное число организаций и отдельных лиц, замешанных в кампании против Пальме. Эти группы пересекались между собой, объеди-

нялись, разделялись, рассеивались. А когда доходило до конкретных фигур, картину вообще не мог понять никто, кроме самого Стига. Он-то все держал в голове, а если чего и не помнил, то знал, под каким именно углом следует просматривать записи. Теперь ему нужно было перевести все данные, которые дало его расследование, в удобный для восприятия формат.

Чтобы было с чего начать, Стиг решил составить три списка с краткими объяснениями: перечень организаций, перечень отдельных лиц и список важных адресов в Стокгольме. Цель была в том, чтобы дать коллегам понять, как деятели правого крыла и противники Пальме связаны между собой, но без всяких преждевременных указаний, что кто-то конкретно из перечисленных имеет отношение к убийству. Естественным образом номером один оказывался Андерс Ларссон, основатель Демократического альянса в 1970-х, все еще весьма активный на политической сцене. К тому же он заявлял, что загодя знал о том, что Пальме будет убит.

Андерс Ларссон

Чем-то напоминает паука в паутине – его рука чувствуется всюду, где сталкиваешься со шведскими правыми экстремистами. Похоже, использует разные имена, вымышленные и реальные, подписывая свои письма. Ларссон предупреждал о возможном убийстве Пальме. Очевидно, о нем собирало сведения СЭПО, поскольку Ларссон замышлял по-

кушения на социал-демократических политиков (не Улофа Пальме).

Карл Г. Хольм

Один из издателей журнала «Контра», сотрудник Федерации шведской промышленности. Заклятый враг Андерса Ларссона, поскольку они вошли в разные фракции Демократического альянса, когда тот раскололся. Со времени раскола между Ларссоном и Хольмом / «Контра» – открытая война.

Филип Лундберг

Связан с Хольмом и проводит «Народную кампанию за НАТО». Также связан со «Свободой в Швеции».

Андрес Кюнг

С виду безобидный член Либеральной партии, принадлежащий к избранным кругам «Свободы в Швеции», но известен также в «Международном сопротивлении» и сблизился с «Контрой» после того, как получил Премию Свободы, что должно было вывести из себя их главного врага, Андерса Ларссона.

Бертиль Ведин

Лейтенант в отставке, известен тем, что поддержал вторжение США во Вьетнам. Занимался «сбором информации» для Валленбергов. Связан с Демократическим альянсом. Пе-

реехал в Лондон в 1975 году и работал там на объединение шведских компаний. Знаком и с Ларссоном, и с коллективом журнала «Контра», более близок к последнему. Убежденный ненавистник Пальме, есть подозрения, что он может как-то быть замешан в убийстве.

Ханс фон Хофстен

Морской капитан, член «Свободы в Швеции» с октября 1985 года. Через месяц возглавил протест офицеров; в статье в газете *Svenska Dagbladet* перед поездкой Пальме в Москву публично утверждал, что премьер не располагает доверием народа.

Виктор Гуннарссон

Сам по себе не слишком занимателен, если только не подозревать в нем убийцу Пальме; был связан с ЕРП. По некоторым данным, часто виделся с двумя людьми, которые имеют отношение к Демократическому альянсу и оба независимо друг от друга предупреждали о возможном убийстве Пальме: это Андерс Ларссон и бывший наемник Иван фон Биршан.

Альф Энерстрём и Джо Петре

Энерстрёма называли самым главным недоброжелателем Пальме в Швеции. Пользуется поддержкой кого-то из высших фигур в шведском деловом мире (возможно, к примеру,

Ларса-Эрика Тунхольма из окружения Валленбергов). Финансирует ЕРП и размещает агитационные тексты стоимостью в миллионы крон в ежедневных газетах. Его гражданская жена Джо Петре – актриса; вместе они разъезжали по Швеции, агитируя против Пальме. Недавно вышла их последняя книга «Мы свергли правительство», часть II. В ней Пальме сравнивается с Гитлером, и там говорится, что для предателя есть лишь одно наказание. Однако они ошиблись с заглавием – вопреки ожиданиям Пальме и социал-демократы выиграли выборы.

Как ни сокращай список, имен оставалось слишком много. Стик исключил всех иностранцев, в том числе двух итальянских неофашистов – Стефано Делле Кьяйе и Роберто Фьоре – и профессионального киллера Майкла Таунли, чьи имена всплыли, когда он занимался расследованием.

Помимо более или менее открытой ненависти к Пальме, которую разделяли все внесенные в список, многих объединяла еще одна общая черта: это лица с определенным положением, которые стояли во главе различных организаций. За их спинами скрывались другие, те, кто дергал за ниточки и действовал гораздо грубее. Иногда даже нацисты. И еще интересная черта: имена и названия повторялись. Это видно по другому списку.

Демократический альянс (ДА)

Хотя ДА раскололся в 1975-м и его деятельность прекратилась в следующем году, от него брала начало бóльшая часть ненацистских правоэкстремистских организаций. Основатель ДА Андерс Ларссон остался лидером большинства после раскола Альянса и вовлечен в отношения, дружественные или враждебные, со всеми группами, упомянутыми ниже.

«Контра»

Фракция меньшинства после раскола ДА, объединившая его самых жестких членов, основала фонд и журнал. Один из их главных врагов – Андерс Ларссон. Статьи в журнале полны восторгов в адрес США и, до убийства, жгучей ненависти к Пальме. К примеру, журнал продавал карикатуру на премьера, которую можно было использовать как мишень для дротиков.

Прибалтийский комитет

Одна из десятка странных группировок, как-то связанных с Прибалтикой; многие из них зарегистрированы в Эстонском здании на улице Валлингтан, 32. Балтийский комитет представляет интерес в том числе и потому, что эта организация входит в ВАКЛ (см. ниже), и еще потому, что Андерса Ларссона вышвырнули из нее за месяц до убийства Улофа Пальме.

Всемирная антикоммунистическая лига (ВАКЛ)

Головная организация, чья история началась в Азии в 1950-е годы. Ее сплачивает борьба против мирового коммунизма, что привлекло сюда немало сомнительных правых групп и отдельных людей правых взглядов. Многолюдные конференции ВАКЛ проводятся в разных частях света, на них присутствовали один умеренный депутат парламента и опять-таки Андерс Ларссон.

Европейская рабочая партия (ЕРП), или Европейский трудовой комитет (ЕТК)

Очень маленькая партия, основанная американским миллионером Линдоном Ларушем и действующая в Швеции с семидесятых. Эта организация зашла в своей ненависти дальше других: они называли Пальме безумным убийцей, наркоторговцем и советским агентом влияния. В ЕРП, возможно, проникли сотрудники ЦРУ, выдавая себя за дезертиров с вьетнамской войны, обосновавшихся в Швеции. Виктор Гуннарссон сотрудничал с ЕРП; материалы Рабочей партии копировались для распространения в офисе Андерса Ларссона в Балтийском комитете.

Международное сопротивление

Антикоммунистическая организация, появившаяся в Париже в 1983 году и в Швеции в 1985-м. Начинала как традиционная правая консервативная группа антикоммунистов, но расширила активность и включила более радикальных

правых, эмигрантов из Восточного блока и членов ВАКЛ. В Швеции мы опять находим среди участников Андерса Ларссона, беженца из Прибалтики Андреса Кюнга, представителя УНИТА Луиса Антунеса, издателя «Контры» Филипа Лундберга.

Фонд общественных вопросов

Негласное общество, связанное с Демократическим альянсом (с которым пользуется одним и тем же почтовым ящиком, зарегистрированным на Андерса Ларссона) и с Международным сопротивлением – через Андерса Ларссона. Общество утверждает, что является антинацистским, но политически правым. Изучение связей с бывшим Демократическим альянсом, вероятно, могло бы пролить свет на деятельность общества. Похоже, этот Фонд – нечто вроде театра одного актера.

«Свобода в Швеции»

Новая организация, созданная в сентябре 1985 года членом либеральной партии Андресом Кюнгом. Формально ни в чем не замешана, провозглашает, что ее цель – свободная Швеция. Но за этим милым фасадом, украшенным фигурами актеров Ярла Кулле и Альфа Бруннберга, скрываются более темные личности, вроде Филипа Лундберга из «Контры» и капитана Ханса фон Хофстена. «Свобода в Швеции» гораздо крупнее Фонда по общественным вопросам, она на-

считывает 1500 членов.

Новый клуб вторника

Создан вслед британскому ультраконсервативному Клубу понедельника, в котором экстравагантный лорд Мойн был председателем, а Андерс Ларссон и Бертиль Ведин – активными членами. Клуб вторника приглашает людей с именем выступать на невинных вечерних сборищах, но за кулисами – те же знакомые ультраконсерваторы. Кажущийся вездесущим Андерс Ларссон отвечает за корреспонденцию клуба.

УНИТА

Партизанское движение в Анголе, поддерживаемое США, с офисом в Стокгольме и связями с ЦРУ. Его представитель Луис Антунес имеет отношение к некоторым из вышеуказанных организаций. Андерс Ларссон искал здесь работу после увольнения из Балтийского комитета.

По мнению Стига, этих имен и названий для начала было достаточно; по крайней мере их хватало, чтобы у двух журналистов из Мальмё головы пошли кругом. Но недоставало еще одной детали головоломки, без которой они не увидели бы полной картины. Эти правые организации имели привязку к небольшому числу адресов, и адреса позволяли хорошо представить, как все они пересекаются.

Почтовые ящики 5817, 490 и 21

Правые группы используют анонимные почтовые ящики до востребования. Это прекрасный способ вести дела большого числа организаций одновременно, а вычислить их сложнее. Почтовый ящик 5817 когда-то принадлежал Демократическому альянсу, и его же использовал Фонд общественных вопросов. Почтовый ящик 490 связан с организациями прибалтийских изгнанников, расположенных в зданиях 32–34 по Валлингтан; также им пользовались Фонд общественных вопросов и Международное сопротивление. Последний по времени появления почтовый ящик – номер 21, но к нему я вернусь, лишь когда продвинусь в расследовании.

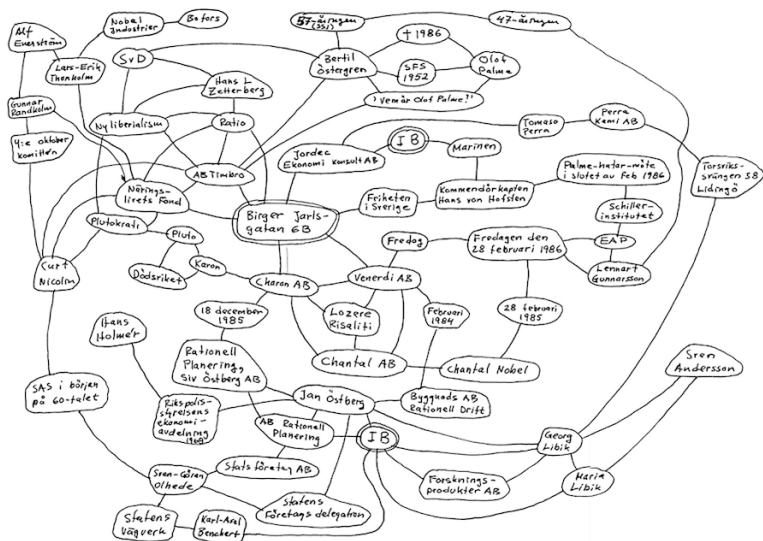
32–34 по Валлингтан

В Эстонском здании квартирует бесчисленное множество организаций. Большинство – вполне почтенные, но здесь же обретаются ВАКЛ, Балтийский комитет и еще немало теневых группировок. Помимо достойных внимания почтовых ящиков, в Эстонском здании есть также много всего, связанного с Андерсом Ларссоном и Андресом Кюнгом.

6В по Биргер-Ярлсгтан

Здесь расположены некоторые лоббистские ассоциации из сферы промышленности и торговли, а кроме того, подозрительные компании и организации, вроде «Свободы в Шве-

ции». Здание принадлежит Карлсбергскому фонду, от которого ниточки ведут к нацистам. Этот адрес помещен в центре рисунка с названиями объединений и именами отдельных лиц, который некоторое время назад я получил от анонима.



Сеть отдельных лиц и организаций, полученный Стигом в сентябре 1987 года

Стоило бы упомянуть еще два имени. Эти личности ошл-вались в правых кругах, но Стиг думал, что они работают под прикрытием на шведское правительство. Йоаким фон

Браун состоял в Международном сопротивлении, однако выполнял задания СЭПО по найму. Йоэль Хаукка, прибалтийский изгнанник, знавший всю компанию по адресу Валлингтан, 32–34, также собирал сведения для военной службы разведки, Секции особого наблюдения (*SSI, Sektionen för särskild inhämtning*). Скорее всего, имена фон Брауна и Хаукки всплывут в будущих изысканиях Стига для Херманссона и Венандера, поэтому лучше им узнать об этих людях сейчас и не путать в дальнейшем с самыми закоренелыми приверженцами правых взглядов.

Стиг полагал, что благодаря его спискам журналисты из Мальмё получают общее представление о том, как выглядит организованное сообщество ультраправых ненавистников Пальме. Он сделал по три копии с каждого перечня и отослал оригиналы Херманссону и Венандеру. У себя он оставил один комплект копий, а другие два отдал людям, которым доверял. В случае взлома или пожара они не пропадут.

К спискам, отосланным Херманссону и Венандеру, Стиг приложил копию письма, которое он написал год назад Бьёрну Рёнбладу из социалистической партии. Тогда никто и вообразить не мог, что шведского премьера убьют прямо на улице. Письмо имело отношение к материалам, которые кто-то направил тогда Рёнбладу и которые должны были подпортить репутацию Андреса Кюнга. Каков источник этих материалов, было неясно. Стиг потратил много времени, разби-

раясь с Андерсом Ларссоном и почтовым ящиком 21. Даже вел наблюдение за почтовым отделением, чтобы узнать, кто забирает корреспонденцию из этого ящика. Из письма Рён-бладу, как надеялся Стиг, в Мальмё поймут, как он вел поиски и сколько времени и сил они отнимают. Содержание тоже позволит им стартовать с проектом, теперь носившим название «Миссия: Улоф Пальме».

1987

Стокгольм, весна 1987 года

Внезапная отставка Хольмера застала полицию врасплох. Вчера у них был босс, который решал все вопросы и действовал сразу как глава команды следователей, начальник полиции и официальное лицо, ответственное за предварительное расследование. А на следующий день ничего из этого не осталось. Полностью прекратилась координация работы между стокгольмской полицией, Государственным департаментом особых расследований и СЭПО. Формально возглавить расследование должен был теперь Ульф Карлссон, начальник отдела Шведского национального бюро полиции, но на практике оно разделилось на три независимых друг от друга параллельных расследования. У каждой группы дознавателей были свои любимые гипотезы, о которых они посредством счастливых утечек осведомляли СМИ. Это порождало страшную путаницу в представлениях шведов о том, как идет следствие.

Все выглядело проще для отдельных офицеров полиции, занимавших менее высокие должности в трех занятых следствием организациях. Тут опытные сыщики не взывали к вмешательству сверху, а просто делали свою работу. В каждом из трех учреждений составили список гипотез, соответ-

ствующих профилю организации. Начали с места преступления и изучения улик и показаний без того, чтобы заранее выбирать приоритетную версию. Им приходилось нелегко, особенно если учесть, что целый год был потерян даром. Вероятность раскрытия преступления значительно падает через двадцать четыре часа с момента его совершения – тем сильнее она уменьшилась за год.

Гипотезы строились вокруг уймы самых разных возможностей и включали стрелка-одиночку, группы шведских ультраправых противников Пальме, офицеров полиции, международные заговоры, связанные с продажей оружия Ирану и с противостоянием апартеиду в ЮАР со стороны Пальме.

С другой стороны, в 1987 году разные подразделения полиции могли систематически работать над делом, используя обычные профессиональные методы и сверяясь по мере надобности с данными коллег из других отделов. Весной начали проступать контуры преступного сговора. У многих появилась надежда, что раскрытие убийства возможно. Следователь Альф Андерссон, тот, кого интересовали правые экстремисты и кто разговаривал о них со Стигом, был в числе оптимистов.

Звезды сошлись

Стокгольм, апрель 1987 года

После ухода Хольмера путь расследования, как почувствовал Стиг, расчистился, люди начали задумываться о том, о чем раньше не решались. Это происходило и в полиции, и в СМИ. Даже СЭПО очнулась от летаргического сна. Через два недели после отставки Хольмера люди из СЭПО посетили Стига в «ТТ». Возможно, они прослышали, что он человек, осведомленный о деятельности ультраправых.

Сотрудники СЭПО задавали необыкновенно невежественные вопросы, например: как соотносятся национал-социалисты с другими социалистическими партиями? Для них нацисты были социалистами: до смешного наивное смешение радикально расходящихся идеологий, основанное на одном слове. Эва никогда раньше, до вечера того дня, не видела Стига таким разъяренным.

Работа Херманссона, Венандера и Стига пошла немного легче, поскольку теперь все, с кем они имели дело, знали из газет, что версия про убийц из Рабочей партии Курдистана отброшена. Поэтому можно было поговорить о тех оппозиционерах, которые ненавидели Улофа Пальме.

Задуманные серия статей и книга были кстати, поскольку в печати обсуждалось несколько направлений расследо-

вания, затронутые и в разысканиях Стига. Теперь шла речь о том, чтобы подготовить книгу раньше, чем интерес аудитории стихнет, или изменятся гипотезы полиции, или произойдет еще что-то неблагоприятное.

Стиг решил опять заняться поисками информации о Международном сопротивлении. Год назад он подолгу торчал в почтовом отделении, где находился ящик 490, связанный с бывшим Демократическим альянсом и рядом активно действующих организаций, но так и не выяснил, кто забирает корреспонденцию из этого ящика.

Теперь он взял под прицел ящик 21. Оказалось, тут гораздо легче обнаружить за работой и группы, и отдельных людей, возбуждавших его интерес. Стиг считал, что человек, скрывающийся за ящиком 21, – тот же самый, кто стоит за всей сетью ультраправых в шведской политике. Но ему хотелось с кем-то обсудить эти идеи, и выбор пал на Хокана Херманссона. Пора было ему написать.

* * *

Дорогой Хокан,

как и ты, я испытывал некоторые затруднения с тем, чтобы сесть за пишущую машинку. Причина в моем случае не лямбаго (по счастью), а просто то, что я был ужасно занят. Я с мучительным трудом выкраиваю свободное время на что бы то ни было. К сожалению (тут я немного за-

видую тебе), я не могу отрываться на наши дела в рабочие часы в той мере, в какой можешь ты. Вместо того я маленькими порциями втискиваю наши темы в свое свободное время. Иногда сочетать всё не удастся. Сейчас я просто вкратце хочу ответить на письмо, которое получил от тебя на прошлой неделе. И, между прочим, должен начать с того, что материал, который ты прислал, — те письма из Шведско-ватиканской ассоциации — пришелся как нельзя кстати. Сейчас я работаю над тем, чтобы раз и навсегда очертить все организации этого толка, то есть, иными словами, вычислить все адреса, почтовые ящики до востребования, телефонные номера, пересечения, все в таком роде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.